

84(3)
159

Барбру Линдгрен

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАТТИАСА

МА-МА МЫ-ЛА РА-МУ

Barbro Lindgren

Mera om Mattias

Барбру Линдгрен

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАТТИАСА

Иллюстрации автора

Перевод со шведского **Ольги Вронской**

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2021

Л59

УДК 82/821-93

ББК 84(4Шве)-44

● МА-МА ● МЫ-ЛА ● РА-МУ ●

Серия книг для первого чтения

Первые книги для тех, кто уже научился читать.

© text & illustrations Barbro Lindgren, first published by Rabén & Sjögren, Sweden, in 1967

Published by agreement with Rabén & Sjögren Agency

© Ольга Вронская, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2021

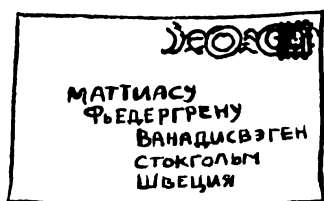
СОДЕРЖАНИЕ

Письмо от бабушки	7
В поезде	19
У бабушки и дедушки	25
Находка Маттиаса	38
Солдаты на площади	53
Чистый четверг	64
Чем заняться в Страстную пятницу?	77
Великая суббота с печальным концом	90
Свинка	110
А я к вам из Финляндии	125
Бабушкина сказка и письмо от Пончика	136
Поиски ангелочка	145
Маттиас уезжает домой	155

ПИСЬМО ОТ БАБУШКИ

Однажды в почтовый ящик Маттиаса упало письмо. Дело было в начале марта, за окном светило солнышко, а возле дома все еще лежали сугробы.

Письмо было тоненькое, в белом конверте, на котором большими буквами значилось:

Письмо прислала бабушка. Маттиас сразу узнал диковинные зеленые чернила, такими писала только она. Мама тотчас прибежала из кухни и вскрыла конверт шпилькой. А потом прочитала письмо Маттиасу.

Бабушка писала о том, что в Карлстаде пока еще холодно, у дедушки шалит

сердце, хотя он пьет таблетки и лечится. А еще она написала, что на улице очень скользко и без палочки она из дому не выходит.

Но то, что бабушка написала в самом конце письма, очень взволновало Маттиаса. «А не посадить ли вам Маттиаса на поезд, чтобы он навестил нас на Пасху? — писала она. — Давненько он у нас не был. Скоро забудем, как выглядит наш внук! Да и ему будет интересно посмотреть, как тут зимой. Он ведь гостил у нас только летом».

Мама положила письмо на колени и посмотрела на Маттиаса.

— Ну что, хочешь поехать к бабушке с дедушкой, несмотря на зиму?

— Я всегда к ним хочу. А больше всего зимой!

— Спросим у папы, — сказала мама. — Если он разрешит, поедешь.

— А когда он придет домой? — поинтересовался Маттиас.

— Через три часа.

Маттиас уселся на кухне перед часами и стал ждать. Но сколько он ни ждал, три часа никак не проходили. Просидев целую вечность, он в конце концов решил спросить маму, сколько часов уже прошло. — Прошло всего пять минут, детка, — сказала мама.

У Маттиаса кончилось терпение, и он решил заглянуть к сестренке Филиппе.

Она лежала в своей белоснежной кроватке и громко сопела во сне — наверное, ей снилась большая собака.

Маттиас подошел ближе и стал щекотать ей ухо, пока Филиппа не проснулась. Она засмеялась, села и почесала животик.

Маттиас подумал, что еще летом она не умела даже сидеть. Филиппа была тогда совсем крошечной, в сто раз меньше, чем сейчас. Личико у нее было красное, она все время кричала и никому не давала спать. Маттиас от нее ужасно устал. Он мечтал о том, чтобы ее вовсе не было.

Но теперь она стала такой забавной. На голове у нее выросли темные волосики,

а во рту появились маленькие острые зубки.

— Что ты делаешь у Филиппы? — крикнула мама из кухни.

— Я только чуть-чуть пощекотал ей ухо, а она проснулась, — ответил Маттиас.

Мама пришла в комнату.

— О господи, — вздохнула она. — Только я ее уложила.

— Хочешь, я с ней погуляю? — с ангельским видом предложил Маттиас.

— Ну что ж, погуляй, — согласилась мама.

Они надели на Филиппу ее маленькие одежды, и Маттиас расчесал ей волосы крошечной белой щеточкой.

Затем Филиппу усадили в коляску, и мама помогла Маттиасу выкатить её из подъезда. — Помни, с тротуара не съезжать, — наказала мама и вернулась домой.

Рядом с киоском стоял Пелле Маленький.

— Привет! — поздоровался Маттиас. —

А я на Пасху поеду к бабушке.

— Вот как? Тогда тебе надо сделать анализ крови, — с важным видом сказал Пелле Маленький и принялся закатывать Маттиасу рукав.

Пелле Маленький только что вернулся из больницы, где у него все время брали анализ крови. Ему пришлось две недели неподвижно лежать в кровати, потому что он сломал руку. А теперь его наконец-то выписали, но на руку был наложен гипс и пошевелить ею было нельзя.

— Подумаешь, — говорил Пелле Маленький. — А что мне этой рукой делать-то?

Он изо всех сил вонзил указательный палец в щуплую руку Маттиаса.

— А теперь, медсестра, поставьте шприц кипятиться на пять часов, надо как следует его простерилизовать, — обратился Пелле Маленький к Филиппе. Та, разумеется, ни слова не поняла. Она засмеялась и попыталась сдернуть с него шапку.

Маттиас раскатал рукав, потому что на улице было холодно.

Пелле Маленький показал Маттиасу свой бандаж. Вначале бандаж был белым. А теперь был замызган до черноты.

— Подумать только, ведь я до него даже не дотрагивался, — недоумевал Пелле Маленький. — И почему он так перепачкался?

Маттиас с завистью разглядывал бандаж Пелле Маленького. Он никогда не ломал себе руку. Даже палец.

— А что надо сделать, чтобы сломать руку? — любопытствовал он.

— Да ничего особенного! Хрусть, и готово! — ответил Пелле Маленький, показав здоровой рукой, как это просто.

Вообще-то в больнице было здорово.
На завтрак давали сладкую манную кашу,
а на ужин — тефтельки.

Тетенька по имени Мэрта дала ему шариковую ручку, чтобы он мог писать.

Тут Филиппа стала хныкать, ей хотелось увидеть что-нибудь ещё, кроме киосков и пелле маленьких.

— Надо покатать Филиппу, — сказал Маттиас и тронул коляску.

— Ну и уходи. Мне только лучше, — обиделся Пелле. — Терпеть не могу плаксивых детей.

И он остался возле киоска.

Но тут его осенило.

— Значит, на Пасху ты поедешь к бабушке?

— Ага.

— Тогда мы не сможем быть ряжеными!

— Верно, — согласился Маттиас. Ясно, что не смогут. Во всяком случае вместе. — Значит, будем ряжеными на следующую Пасху.

— Тогда будет поздно, — хмуро сказал Пелле Маленький. — Нам уже исполнится шесть лет.

Маттиас покатил коляску с Филиппой дальше. Это было не так-то просто, колеса увязали в снежной каше на тротуаре.

Как же все-таки здорово, что он отправится к бабушке с дедушкой! Если только папа разрешит. А он, конечно же, разрешит. Папа у Маттиаса был самый добрый на свете.

Вот у Пелле Маленького нет доброго папы. И даже злого нет. У него вообще нет никакого папы. Зато у него есть канарейка. И добрая мама. Хотя его мама ужасно устает — ей целыми днями приходится работать.

Маттиас дважды обошел с коляской весь квартал и все думал о бабушке с дедушкой и вспоминал их домик. Филиппа начинала капризничать, и Маттиас поспешил домой. Три часа наверняка уже прошло!

Как бы не так!

Оказалось, что прошел только час, да и то без пяти минут. Время будто стояло на месте, но в конце концов в замке повернулся ключ и в дверях появился папа с трубкой в зубах и портфелем под мышкой.

- Как дела? Устал? — спросила мама.
- Очень, — ответил папа и опустился в свое любимое кресло. — Что у нас на ужин?
- Свинина с фасолью. А на десерт яблочный пирог, — ответила мама.
- Отлично, — сказал папа, потирая руки. Он любил поесть. — А ванильный соус к пирогу будет?
- А как же! — обиделась мама.

Тогда папа с довольным видом еще глубже утонул в кресле. Он развернул газету и начал читать. Время от времени он выпускал изо рта красивые колечки дыма.

- Пап, — начал Маттиас.
- Мм?
- Можно я на Пасху поеду к бабушке с дедушкой?
- М-м-м-м, — промычал папа, и из-за газеты выплыло еще одно безукоризненное колечко дыма.
- Ура, можно! — крикнул Маттиас и радостно запрыгал по комнате.

Тут из-за газеты показалась папина голова.

— Можно что? — неуверенно спросил он. Папа не услышал ни слова из того, что сказал Маттиас.

— Поехать к бабушке с дедушкой... — Маттиас перестал прыгать.

— Ну-у, даже не знаю, — протянул папа. — Посмотрим, малыш, посмотрим.

Маттиас глубоко вздохнул и уселся на ковер. Ох уж эти взрослые, хоть бы раз в жизни обошлись без своего «посмотрим».

Так прошел вечер: всякий раз, как Маттиас спрашивал папу, можно ли ему поехать к бабушке с дедушкой, тот отвечал «посмотрим». А спрашивал Маттиас не раз и не два.

Прежде чем лечь в постель, Маттиас в последний раз задал папе свой вопрос. И тогда папа вынул трубку изо рта и ответил: — А почему бы и нет.

Ночью Маттиасу приснились дедушка, бабушка, Лиза и Карлстад. Во сне он видел румяные бабушкины оладьи и толстый дедушкин живот. Еще ему приснился грохочущий

водопад и дедушкина лавка, где можно купить всё на свете.

На следующий день Маттиас ни о чем другом не мог думать, только о поездке в Карлстад. И на другой день, и даже на третий. Каждую ночь ему снились бабушкины олады, раз от разу они становились всё крупнее. Еще ему снился большой дедушкин живот, на котором извивалась цепочка от часов и пряталась в нагрудном кармане.

В ПОЕЗДЕ

Ранним субботним утром Маттиас тронулся в путь с двумя чемоданами — большим и маленьким, — в совершенно новой шапочке на голове.

Мама и папа провожали его на Центральный вокзал и говорили, чего он не должен делать. Оказывается, много чего.

Нельзя было высовываться из окна вагона во время движения поезда; нельзя было проходить мимо входных дверей, потому что они могли распахнуться на полном ходу. Выходить из вагона во время остановок тоже было строго-настрого запрещено. Выходить разрешалось только в Карлстаде. Проводник дал маме честное слово, что предупредит Маттиаса, когда будет его остановка.

Поезд свистнул три раза и вздрогнул. Перрон поплыл мимо вагонного окна, Маттиасу

стало не по себе. Он высунулся из окна и крикнул: «Мама! Папа! Я хочу остаться с вами!»

Но было уже поздно. Поезд набирал скорость.

Прежде чем родители окончательно исчезли из виду, до Маттиаса долетел папин голос: «Не смей высовываться! Спрячь голову!»

Маттиас убрал голову из окна и сел на своё место. Расставаться с мамой и папой было грустно. Во всяком случае — с его мамой и папой!

Но горевал Маттиас недолго — сосед по купе дал ему шоколадку и большое, блестящее яблоко. Маттиас повеселел и даже стал тихонько насвистывать. Пончик научил его свистеть всего несколько дней

назад. Сам Пончик умел насвистывать разные мелодии, но Маттиас мог пока просвистеть только одну ноту. Впрочем, его это не огорчало. Зато он просвистел её много раз подряд!

Поезд катился быстро и мягко. Он мчался среди лесов и полей, а несколько раз даже пролетел по мосту. Повсюду белел снег, а озёра были скованы льдом.

Чтобы скоротать время, Маттиас разглядывал журналы, которые ему дал другой сосед по купе. Этот дяденька, судя по всему, очень хотел поболтать с Маттиасом: спросить, сколько ему лет, ну и вообще, что да как. Но Маттиас предпочел смотреть журналы. В них почти на каждой странице были фотографии боксеров!

А в одном журнале, в самом конце, была фотография малюсенькой-премалюсенькой собачки. Она сидела в кофейной чашке, и из чашки торчала ложечка.

Разве бывают такие крохотные собачки? Наверно, это самая маленькая собачка на свете!

- Что написано под этой картинкой? — спросил Маттиас дяденьку, который дал ему журналы.
- Тут написано: САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ СОБАКА НА СВЕТЕ.
- Так я и думал, — обрадовался Маттиас.

Ехать осталось совсем недолго.

- Через пять минут Карлстад, — сказал сосед по купе, угостивший Маттиаса шоколадкой и яблоком. — Кажется, это твоя остановка.
- Точно, — сказал Маттиас и стал натягивать куртку.

Появился проводник и крикнул: «КАРЛСТАД!» — так громко, что стены в купе задрожали.

Дяденька с журналами оказался очень добрый.

- Хочешь взять журнал с собачкой себе? — предложил он.

Маттиас, конечно, хотел.

Они уже проезжали знакомые места. Вон река, а через нее перекинут висячий мост. Ходить по нему очень страшно. А за рекой

темнеет лес, в котором растет самая сладкая земляника на свете!

— Ту-ту! — крикнул поезд, въезжая на станцию и выпуская пар.

У здания вокзала, под самыми часами, стояла бабушка. Увидев Маттиаса, она заулыбалась и стала радостно махать руками. На ней было черное пальто почти до пят. И Маттиас знал, что под пальто у нее платье в мелкий цветочек, как всегда.

— Добро пожаловать, — сказала бабушка, потому что так было принято в Карлстаде.

Она взяла Маттиаса за руку, и они пошли к дому.

— А где дедушка? — спросил Маттиас.

— В лавке. У него сейчас полно дел.

— Тогда я побежал к дедушке, — обрадовался Маттиас.

— Нет, сначала надо поесть, — остановила его бабушка.

Маттиас уже знал, что спорить бесполезно: как бабушка скажет, так и будет, спорь не спорь.

— А где Лиза?

— Дома, готовит тебе еду, — сказала бабушка.

— Это хорошо, — обрадовался Маттиас.

Лиза всегда старалась приготовить для него что-нибудь особенно вкусное.

У БАБУШКИ И ДЕДУШКИ

В доме стоял хорошо знакомый запах. Пахло свежеевымытым полом, копчеными сосисками и чем-то еще, чего Маттиас никак не мог определить.

Маттиас взбежал впереди бабушки по истертому крыльцу. Он миновал дверь первого этажа. За ней жили тетя и дядя Линдеры. А в дверях второго этажа стояла и улыбалась Лиза.

— Привет, Лиза! — крикнул Маттиас и проскочил мимо нее прямо на кухню.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — приветствовала его Лиза. — Все готово. Пожалуйста за стол.

На кухонном столе стояло и дымилось большое блюдо с сосисками-малышками и омлетом.

Бабушка пошла за салфеткой, чтобы повязать ее Маттиасу на шею. У бабушки

за столом полагалось повязывать салфетку. А Лиза еще заставляла мыть руки перед едой! Маттиасу это не особенно нравилось, но бабушка и Лиза были неумолимы.

У бабушки была необыкновенно большая кухня, и необыкновенно уютная. У окна, которое выходило во двор, стоял обеденный стол с двумя большими крыльями, которые можно было поднять, и тогда столешница становилась огромной. Вокруг стола выстроились смешные деревянные стулья с круглыми сиденьями — все в мелкую дырочку.

На плите громоздилась пирамида из чугунных сковородок. Ручек для зажигания газа на плите не было, зато внутри у нее пылал настоящий огонь, и Лиза то и дело подбрасывала туда поленья через маленькую дверцу.

Маттиас сидел за столом долго, потому что после сосисок и омлета ему пришлось выпить здоровенный стакан молока. Только после этого можно было выйти из-за стола. Молоко пахло коровой, а сверху

на нем плавала пенка. Такое молоко Маттиасу не понравилось.

Но бабушка сказала, что маленькие мальчики должны выпивать в день большой стакан молока. А от малюсенькой пенки кости станут только крепче.

Наконец Маттиас смог выйти из-за стола и пройтись по комнатам, чтобы проверить, всё ли осталось на своих местах.

В гостиной – фисгармония, резной стол и бабушкин ткацкий станок. На круглом столике по-прежнему стоит маленькая коробочка из Африки. Маттиас осторожно поднял крышку. В коробочке, как и положено, медовые карамельки. И вкус у них прежний.

В бабушкиной и дедушкиной спальне тяжелые коричневые кровати, а на них груды пухлых подушек и пышных одеял. На стене над бабушкиной кроватью картина «Добрый Пастырь», на ней изображен Иисус Христос с овцами.

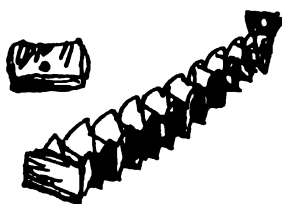
На столике у дедушкиной постели множество баночек с лекарствами и графин с водой.

Лекарства дедушка принимает, когда у него болит сердце, а это случается довольно часто.

Тогда дедушка лежит в кровати, прижимая руку к левой стороне груди, и слушает большое коричневое радио, которое стоит на бюро. Дедушка включает радио на полную громкость, так что слышно даже на улице. Потому что он глуховат на оба уха!

В одном из ящиков бюро Маттиас обнаружил бумажник. В нем было множество отделений, и его можно было растягивать, как гармошку.

Маттиас побежал с бумажником к Лизе. — Вот бы мне такой, — сказал он мечтательно и растянул бумажник как можно шире.

— Возьми его себе, если хочешь, — сказала Лиза.

— Ура, спасибо! — закричал Маттиас.

С Лизой так всегда. Только скажешь, что тебе что-то понравилось, и сразу же это получаешь!

А теперь Маттиасу не терпелось попасть в дедушкину лавку. Он засунул бумажник в карман и соскользнул вниз по лестнице, как ласка.

Лавка хороша была тем, что находилась в том же доме, где жили бабушка с дедушкой, только внизу. В нее можно было войти через дверь с улицы или с черного хода через дедушкину контору. Именно этот путь и выбрал Маттиас.

Дедушка степенно сидел за письменным столом, а на полках позади него стояли черные бухгалтерские книги.

— Кого я вижу! Неужели это Маттиас? — воскликнул дедушка и сдвинул очки на лоб. Потом он положил ручку на стол и долго пожимал Маттиасу руку.

Маттиас как замороженный разглядывал дедушкин живот. Он и забыл, что живот у дедушки такой огромный.

— Когда вырастешь, и у тебя будет такой же, — пообещал дедушка.

Маттиас покачал головой. Такого живота у него никогда не будет, в этом он был уверен.

Он прошел в лавку и стал озираться по сторонам. В лавке ничего не изменилось. Те же люстры свисают с потолка, на полках фарфор, игрушки, канцелярские резинки и лейки. Под стеклянными прилавками серебряные цепочки и жемчужные ожерелья. А у самой двери стоит белая лошадь-качалка с красным седлом!

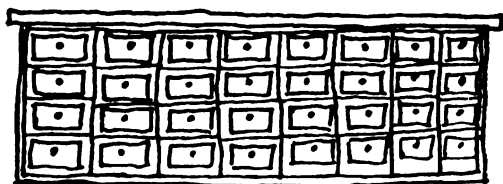
Маттиас бегал, всё трогал и всё осматривал. Он забежал за широкий прилавок и стал выдвигать ящики с обратной стороны. В одном ящике лежали коробочки с пистонами, в другом — ластики. Были ящики с фонариками, закладками, пузырьками чернил. В этих ящиках было всё на свете!

Но один ящик оказался пустой! Маттиас решил, что этот ящик будет его. Но сначала спросил разрешения у дедушки.

— Пусть он будет твой, — ответил дедушка и погладил Маттиаса по голове.

Потом дедушка пошел на кассу, поскольку там стоял покупатель, который хотел купить кофейник. Тут же пришла Лиза и дала Маттиасу целую крону, чтобы он купил себе конфет.

Маттиас спрятал крону в бумажник и отправился в ларек напротив. Несмотря на то,

что он купил тянучки и леденцы на палочках, продавец вернул ему целую горсть мелких монет. Маттиас аккуратно положил по монетке в каждое отделение бумажника.

— Твоего дедушку случайно не Теодор Фьедергрен зовут? — спросил ларечник.

— Да, это мой дедушка, — ответил Маттиас.

— То-то я смотрю, ты на него похож, — сказал ларечник.

— У меня же не такой живот, как у дедушки, — возразил Маттиас.

Ларечник расхохотался так, что у него по щекам потекли слезы.

— Я не сравнивал ваши животы, — проговорил он и высморкался.

Маттиас побежал в красный домик навестить рыбную тетю и двух ее мопсов. Рыбную тетю он застал в халате, хотя было уже далеко за полдень. Всё в ее доме пропахло рыбой, так как она продавала рыбу в палатке возле дома. Но в этот день она не торговала, потому что у нее разболелись колени.

Маттиас спросил, можно ли ему как-нибудь прийти и погулять с мопсами.

— В любое время, — обрадовалась рыбная тетя. — Приходи и забирай их на прогулку, когда захочешь.
— Тогда я приду завтра, — пообещал Маттиас.

— А где я буду спать? — спросил Маттиас, когда за окном стемнело.

— Я постелила тебе на полу в кладовке, — сказала Лиза. — У тебя будет своя собственная комнатка.

Лиза открыла перед Маттиасом дверь кладовки.

— Я буду здесь спать? — удивился Маттиас.

Кладовка, как водится, была без единого окна. Вдоль стен тянулись полки с высокими стопками чистых простыней и полотенец. Тут приятно пахло то ли мылом, то ли чем-то еще.

— Но здесь же будет совсем темно, если выключить свет, — сказал Маттиас.

— Верно, — согласилась Лиза. — Но если ты боишься темноты, я дам тебе фонарик.

Лиза ушла и вернулась с фонариком. Она положила его на одну из полок.

— А теперь пора на кухню умываться. Я согрела воды.

Маттиас со вздохом пошел умываться. Он так надеялся, что Лиза забудет про умывание хотя бы на этот раз.

— Тебе помочь вымыть уши, или ты сам? — крикнула Лиза ему вслед.

— Я сам, — глухо отозвался Маттиас.

Он действительно мог вымыть уши сам, но не стал этого делать, так как посчитал, что в этом нет необходимости.

Когда Маттиас умылся, пришли дедушка с бабушкой пожелать ему спокойной ночи. Потом Лиза тихонько закрыла дверь кладовки.

И сейчас же в кладовке стало темно, как в мешке. Маттиас зажег фонарик и достал бумажник. Он растянул и сложил его несколько раз, как будто играл на гармошке. В кладовке было страшновато, несмотря на фонарик. Длинные черные тени лежали по стенам, а высокие стопки простыней казались башнями сказочного замка. Маттиас спрятал бумажник под подушку и побежал на кухню к Лизе.

— Ты можешь дать мне нож? — спросил Маттиас.

— Господи боже мой, зачем тебе понадобился нож? — испугалась Лиза.

— Хочу, чтобы он лежал у меня под подушкой, если придут ведьмы, — объяснил Маттиас.

Дело в том, что Пелле Маленький рассказал Маттиасу накануне отъезда, будто Карлстад — это город ведьм. И еще он говорил, что в одном только доме у дедушки и бабушки Маттиаса их живет не менее десяти штук.

— Да нет на свете никаких ведьм, — сказала Лиза.

Маттиас посмотрел на неё с сомнением. Конечно, он знал, что ведьм не существует. Ну а вдруг? Видел же Пелле Маленький кучу ведьм в доме своей бабушки в Сундбюберге!

Ножа Маттиасу так и не дали, зато он получил большую булочку, покрытую сахарной глазурью и корицей, и стакан клубничного соку.

— Думаю, теперь ты спокойно уснешь, — сказала Лиза и проводила его в кладовку.

Так и случилось. Едва Маттиас коснулся головой подушки, как провалился в глубокий сон. Он крепко проспал всю ночь, сжимая в руке свой бумажник.

НАХОДКА МАТТИАСА

Утром Маттиас проснулся от странного рокота. Это в спальне работало радио. Маттиас быстренько оделся и явился на кухню, как раз когда Лиза приготовила ему чашку горячего шоколада. Дедушка в спальне слушал новости. Папа Маттиаса тоже их слушал. Только не на такой громкости.

— А что там говорят, в новостях? — крикнул Маттиас Лизе.

— Рассказывают про войну, — ответила Лиза.

— Они опять воюют? — удивился Маттиас.

Его папа тоже говорил про войну совсем недавно.

— Воюют, и во многих странах, — сказала Лиза со вздохом.

— Зато у нас нет войны, — обрадовался Маттиас.

Он пошел в спальню к бабушке и дедушке пожелать им доброго утра. Дедушка

и бабушка лежали на своих высоких кроватях, утопая в перинах и накрытые пуховыми одеялами.

— Доброе утро, дружок, — сказала бабушка.

— Ш-ш-ш, — шикнул на них дедушка и поставил ладонь к уху. Он боялся пропустить что-нибудь важное.

Маттиас натянул на себя куртку и побежал вниз по лестнице. Он собрался прогуляться с мопсами рыбной тети. Но в красном домике жалюзи на окнах были спущены и из трубы не поднимался дым. Маттиасу пришлось придумывать себе другое занятие, поскольку рыбная тетя и ее мопсы еще не проснулись.

Он пошел на бабушкин и дедушкин двор. Здесь было много интересного. В отличие от двора на улице Ванадисвэген, никаких стоек для выбивания ковров, никаких мусорных контейнеров в этом дворе не было. Зато здесь водились крысы и была кузница, в которой подковывали лошадей. Лошади приходили и уходили день за днем. Большие, гнедые, с запорошенными снегом гривами.

Маттиас зашел в кузницу и поздоровался с кузнецом. У кузнеца были усы, и звали его Элис. Маттиас хорошо его знал.

— Теперь ты вырос, сможешь помогать мне подковывать лошадей, — обрадовался Элис.

Но Маттиас не горел желанием работать вместе с Элисом. Лошади казались ему огромными, к тому же надо было забивать гвозди в их копыта, чтобы подковы держались крепко! На это Маттиас никогда бы не решился.

Зато когда гвозди забивал Элис, казалось, что это такое легкое и приятное занятие. Лошади вовсе не сердились, а спокойно стояли и позволяли Элису колотить им по копытам, сколько душе угодно!

— Им совсем не больно, поверь мне! — сказал Элис, заметив смятение Маттиаса. — Я же забиваю гвозди только в копыта. А их копыта — это все равно что наши ногти. Тебе же не больно, когда тебе стригут ногти!

Маттиас сел на табуретку и стал смотреть, что происходит во дворе. Из норы

вылезла толстая бурая крыса и с любопытством уставилась на Маттиаса. У нее были симпатичные черные глазки. Вот бы ее приручить, она бы стала жить у Маттиаса вместо собаки.

— Крыска, — сказал Маттиас и показал на крысу.

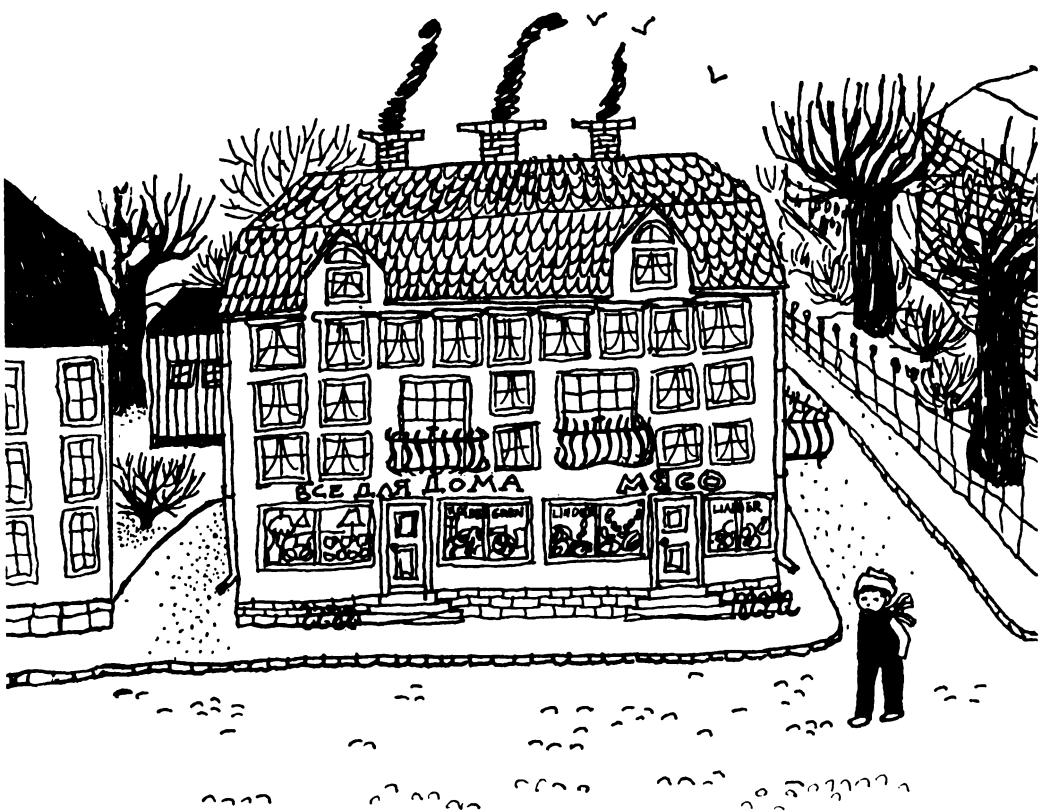
Элис гаркнул на крысу так громко, что лошадь, которую он подковывал, взвилась на дыбы.

— Черт бы побрал всех крыс, а заодно и глупых теток! — Элис плюнул в крысу, она испугалась и исчезла.

— Бедненькая, — сказал Маттиас.

Он пересек двор, чтобы поприветствовать дядю Линдера. У дяди Линдера тоже была лавка, и находилась она совсем рядом с дедушкиной. Но в лавке дяди Линдера холод пробирал до костей. Там на витрине лежал лед, а на льду — котлеты, бифштексы и окорока.

Маттиас спустился в подвал под лавкой дяди Линдера. Здесь делали сосиски. Дядя Линдер показал Маттиасу, как

набивают фаршем длинные кишки и получают настоящие сосиски. А после этого он угостил Маттиаса целой связкой сосисок-малышек.

Живот у дяди Линдера был почти такой же большой, как у дедушки. Правда, под белым халатом это не так бросалось в глаза.

— Ступай наверх, поздоровайся с тетей Линдер. Вот она обрадуется, — сказал дядя Линдер.

— Пожалуй, схожу, — согласился Маттиас и выбежал наверх из подвала. Он много раз позвонил в дверь Линдеров, но ему никто не открыл. Тогда он толкнул дверь и вошел. Тетя Линдер мыла на кухне посуду, а поодаль от мойки, на обеденном столе лежала ее слуховая трубка. В эту трубку надо было кричать, чтобы тетя Линдер услышала,

потому что она очень плохо слышала. Еще хуже, чем дедушка.

Увидев Маттиаса, она всплеснула своими маленькими ручками и побежала за трубкой. — Садись, пожалуйста. Сейчас я достану печенье, — громко кричала тетя Линдер. Ей казалось, что все вокруг такие же глухие, как она.

Маттиас сел и время от времени что-то кричал ей в трубку. Но тетя Линдер все равно его не слышала.

— Кем ты станешь, когда вырастешь, Маттиас? — кричала она.

— Боксером, — крикнул Маттиас.

— Ах вот как, значит, мясником, — обрадовалась тетя Линдер. — Прекрасная профессия.

Тетя Линдер хотела, чтобы Маттиас съел как можно больше ее печенья.

— Ты худенький как тростинка, — причитала она. — Вы что там в Стокгольме, голодаете?

А потом тетя Линдер заговорила о своих болезнях. Маттиас никогда не слышал, чтобы у одного человека зараз было столько разных болячек. Анемия, остеопороз, гастрит, подагра, камни в желчном пузыре, мигрень и шум в ушах!

Но тетя Линдер все равно не унывала!

Маттиас больше не мог слушать рассказы о болезнях. Он засунул в рот последнее печенье и распрощался с тетей Линдер.

К этому времени рыбная тетя подняла жалюзи, а из ее трубы стал подниматься дым. Пора было идти за мопсами.

Хозяйка мопсов необыкновенно обрадовалась Маттиасу.

— Чудесно, что мне не придется их выгуливать. Я на ночь накрутила папильотки и не сомкнула глаз ни на минуту.

Волосы у нее на голове стояли дыбом.

Поскольку зима еще не отступила, мопсы должны были гулять в клетчатых попонках, которые сшила для них хозяйка. Ну и конечно, на каждого мопса надо было надеть поводок, иначе они могли разбежаться кто куда. — Глаз с них не спускай, — сказала рыбная тетя. Ведь мопсы были всё равно что ее дети, особенно теперь, когда ее сыновья выросли и находились на сборах.

— Что это значит? — спросил Маттиас.

— Это значит, что они военные и у них на фуражках блестящие кокарды.

Тогда Маттиас понял. Военных он видел много раз дома, на Ванадисвэген.

Он взялся за собачьи поводки и зашагал к центральной площади. Людей на улице почти не было, кроме тех, кто вышел на почту за газетой. На углу стояли и тарахтели автобусы, пока водители покупали горячие сосиски в киоске. Маттиас тоже направился

туда, чтобы мопсы насладились запахом горячих сосисок, они это любят.

Маттиас достал свой бумажник, раскрыл его и показал продавцу.

— Этих денег хватит на сосиску? — спросил он.

— Нет, не хватит. Нужно еще двадцать эре.

— Ага, — сказал Маттиас, закрыл бумажник и отошел от киоска.

Он решил сходить к водопаду. Странно, что его не было слышно, ведь он находился сразу за площадью.

Маттиас пошел по мосту над водопадом, крепко держа собачьи поводки, чтобы мопсы не свалились с моста. Он встал на цыпочки и посмотрел вниз поверх массивных железных перил.

Водопад кто-то выключил! Если раньше вода с грохотом падала со стены плотины нескончаемым потоком, то теперь ее было совсем немножко — только на дне реки из-под мелкой воды торчали острые камни. Маттиасу стало немного не по себе. Хоть вода и не грохотала, но каменистое речное дно было так далеко, что у него закружилась голова. А вдруг он уронит туда мопсов!

Маттиас хотел поскорее перейти через мост. Мопсы теперь еле плелись, у них устали лапы. А у Маттиаса окоченели ноги, потому что на нем были только резиновые сапоги. К счастью, он увидел небольшой дом, совершенно

пустой. Дверь была распахнута настежь, и дверные петли поскрипывали на ветру. Конечно же, Маттиас и мопсы зашли в дом.

И снова Маттиасу повезло. Потому что это был не какой-нибудь там скучный, обыкновенный дом. Этот дом был совершенно необитаемый. В нем не было занавесок, картин, стульев или стола. Зато по всему полу была разбросана почтовая бумага и конверты. И все это богатство никому не было нужно.

Впрочем, в доме оказалась не только бумага и конверты. В углу комнаты стоял мальчик и сердито смотрел на Маттиаса. — Как тебя зовут? — спросил Маттиас, набирая большую пачку конвертов.

— Альфред, — ответил мальчик.

Он все еще выглядел сердитым. Его лицо было сплошь усеяно веснушками, а зубы были черные.

— У тебя черные зубы, — заметил Маттиас.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся Альфред.

С этим Маттиас не мог не согласиться.

— Ну и шавки у тебя, — сказал Альфред. — Какие морды противные!

— Они не мои, — сказал Маттиас. — Это собаки рыбной тети.

— А, знаю, те старые псины. Мой дедушка живет напротив их хозяйки!

— Мой тоже, — с важным видом сказал Маттиас.

— Как это? Не один же у нас с тобой дедушка, — удивился Альфред.

— Моего дедушку зовут Теодор, — сказал Маттиас.

— А моего — Линдер.

Подумать только, дядя Линдер был дедушкой Альфреда! Это не укладывалось у Маттиаса в голове.

— А у тебя такие черные зубы из-за того, что ты ел много сосисок?

— Ха! Это потому, что я ел слишком много конфет, — признался Альфред.

Маттиас подумал, что Альфред на самом деле добрый. Он вовсе не был таким сердитым, каким показался сначала.

— Вообще-то это моя бумага, я ее первый нашел. Ну да ладно, бери: ее здесь навалом, — великодушно разрешил Альфред.

Они начали собирать бумагу в пачки и собрали столько, что едва могли унести.

Наконец мальчики пошли домой.

Маттиас в одной руке держал поводки, в другой — бумагу.

Расставшись с Альфредом, он побежал к рыбной тете и отдал ей мопсов.

— Я уж думала, вы заблудились, так долго вас не было, — приговаривала рыбная тетя, целуя мопсов прямо в морды. Она все еще была в халате, хотя время близилось к обеду!

Вернувшись домой, Маттиас сложил пачки бумаги на полку в кладовке. Он собирался как-нибудь поиграть в почту.

Бабушка стояла у плиты и жарила колбасу.

— Хорошо погулял? — спросила она.

— Я нашел много хорошей бумаги, — ответил Маттиас.

— Тебе бы друга поскорее найти, чтобы было с кем играть, — сказала бабушка.

— Я уже нашел друга.

— Вот и ладно, — обрадовалась бабушка. — Только не водись с мальчишкой по имени

Альфред. Он внук дяди Линдера. У него одни шалости на уме!

— Но я как раз с Альфредом подружился, — сказал Маттиас.

— Ах ты, батюшки! — запричитала бабушка. — Ни за что с ним не играй!

— А я буду, — сказал Маттиас и отправился к себе в кладовку сортировать бумагу по цвету и по размеру.

СОЛДАТЫ НА ПЛОЩАДИ

На другое утро Маттиас опять встал рано. Перво-наперво он побежал вниз, в дедушкину лавку, и стал искать порченные товары, которые все равно никто не купит. Он складывал их в свой ящик за прилавком. Заодно Маттиас положил туда и коробочку с пистонами, хотя она была целехонькая. Но он просто не мог удержаться: у него никогда в жизни не было собственных пистонов. В конце концов, в лавке таких коробочек было полно.

Дедушка ничего не заметил. Он сидел в своей конторе и что-то записывал в бухгалтерские книги. Скоро в лавке появилась Лиза и сунула Маттиасу сияющую крону. — Сбегай в ларек, купи себе что-нибудь, — сказала она.

Маттиас ничего против этого не имел. Он спрятал крону в бумажник, надел куртку и выбежал из лавки.

В ларьке Маттиас купил лакричные тянучки и тянучки со вкусом колы и, как обычно, получил сдачи целую горсть монет. Бумажник здорово раздулся со вчерашнего дня.

Маттиас беседовал с ларечником о погоде, о скорости ветра, и вдруг с площади донесся громкий топот.

— Что это? Побегу посмотрю! — сказал он и со всех ног побежал на площадь.

Вся площадь была заполнена лошадьми, они громко топали копытами и грызли удила. Верхом на лошадях сидели солдаты в шлемах и с большими рюкзаками за спиной.

Это было так красиво, что Маттиас в восторге запрыгал на месте.

— Здорово, малый! — крикнули ему солдаты. Один из них соскочил с лошади и заговорил с Маттиасом.

— Как тебя зовут?

— Маттиас, — ответил Маттиас. — Куда вы едете?

— Как куда? На войну, — ответили солдаты и засмеялись. — Ты что-нибудь слышал о войне?

— Слышал, по радио, — ответил Маттиас.

— Ну вот. Туда мы и едем, — сказали солдаты и стали наливать из своих термосов какао.

— А лошади тоже будут пить какао? — спросил Маттиас.

— Да, ну! Лошади не любят какао.

— А я люблю, — признался Маттиас и тут же получил солдатскую кружку какао.

Всем хотелось узнать, откуда Маттиас приехал, сколько ему лет, ну и все такое прочее.

— Мне пять лет, но скоро исполнится шесть, — рассказал Маттиас.

— А когда? Может, завтра?

— Может, — сказал Маттиас. Он плохо разбирался в датах.

— Завтра у Маттиаса день рождения! — зашумели солдаты. — Надо ему что-нибудь купить!

И солдаты закупили Маттиасу столько конфет, что он едва мог распахнуть их по карманам: лакричные тянучки, малиновые, сливочные, — все виды тянучек, которые только были в ларьке.

Маттиас жевал конфеты и испытывал легкие угрызения совести. А что если завтра у него никакого дня рождения нет? Нужно будет спросить у бабушки, когда у него день рождения.

А солдаты тем временем убрали свои термосы в рюкзаки, вскочили на лошадей и построились, чтобы уезжать.

Те, что стояли впереди всех, ударили в барабаны, затрубили в трубы и заиграли военный марш. Маттиас очень расстроился из-за того, что солдаты собрались уезжать, он тоже любил музыку.

И тут один из солдат поднял его и посадил впереди себя на седло. Маттиас почувствовал себя королем. Он чуть не лопался от гордости.

Конница двинулась вверх по большой улице, а люди из ближайших домов стояли

на тротуарах и любовались всадниками. Проезжая мимо дома, Маттиас поглядывал, не смотрят ли бабушка, дедушка и Лиза на солдат. А вот и они! Дедушка, сложив руки на груди, стоял в дверях лавки, а бабушка и Лиза стояли на балконе.

Маттиас стал махать им изо всех сил. Он успел заметить, что вид у дедушки хмурый, а бабушка и Лиза радостно замахали ему в ответ. Как только наездники подъехали к железной дороге, Маттиас попросил солдата спустить его на землю. Уходить за железную дорогу бабушка запрещала.

Добрый солдат ссадил Маттиаса с лошади. Все остальные солдаты обернулись, чтобы ему помахать, а музыканты исполнили веселую мелодию. Потом конники тронулись дальше и скоро скрылись за лесом. Маттиас сел на камень, ему было немного грустно, хотя карманы у него топорщились от тянучек. Маттиас еще слышал затихающий топот конских копыт.

Но вдруг топот опять раздался совсем близко. Один из солдат вернулся. Выглядел он озабоченным.

— Ты не знаешь здесь кузнеца, чтобы лошадь мог подковать? — спросил он Маттиаса.

Еще бы Маттиасу не знать! Ведь во дворе у бабушки и дедушки была кузница Элиса!

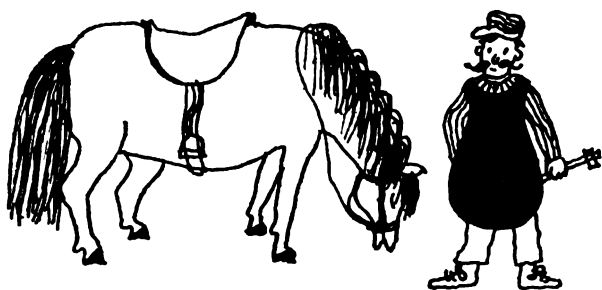
— Пойдем, я покажу, — сказал он солдату.

— Вот спасибо, — обрадовался солдат. — Видно, моего жеребца пора заново подковать. Что-то вид у него невеселый.

Конь действительно стоял понурый, печально свесив хвост.

Элис обрадовался их приходу. Он был в кузнице один и явно скучал. Конечно, компанию ему составляли крысы, но они были не в счет.

Солдат и Маттиас уселись на табуретки и смотрели, как Элис ловко орудует гвоздями и молотком. Он был мастер своего дела. Конь стоял неподвижно с поникшей головой.

— Выше голову, старина! Сейчас у тебя будут новые подковы, — приговаривал Элис, накрепко приколачивая последнюю подкову.

Но конь все равно выглядел грустным!

— Видно, что-то другое его беспокоит, — сказал Элис. — У него высокая температура — нос горячий.

— Может, у него корь, — предположил Маттиас. Он сам переболел корью, и у него была высоченная температура. И нос тоже был горячий!

— У лошадей кори не бывает, — сказал Элис, ощупывая коня со всех сторон.

— А что с ним? — спросил солдат.

— Это точно не ноги, — уверенно сказал Элис. — Не живот и не спина. Не пойму, в чем дело.

Маттиас напряженно думал.

— Уши! — догадался он. — У лошадей могут болеть уши?

Однажды у Пелле Маленького болели уши.

— Скажешь тоже, уши! У лошадей уши не болят, — сказал Элис.

У коня был очень несчастный вид, и он все ниже и ниже опускал голову.

— Да всё с ним будет в порядке. Нам пора ехать, — заторопился солдат и посмотрел на часы.

— В толк не возьму, что с ним такое, — сказал Элис, почесывая затылок. — Надо звонить ветеринару.

Маттиас прибежал в лавку и попросил дедушку позвонить ветеринару со своего телефона.

Вызвав ветеринара, дедушка грозно посмотрел на Маттиаса.

— Кто позволил тебе садиться на лошадь? — спросил он.

— Солдаты, — ответил Маттиас. — Но я доехал только до железной дороги.

Лицо у дедушки подобрело, и он погладил Маттиаса по голове. У Маттиаса отлегло от сердца. Он боялся дедушки, когда тот делал грозное лицо.

Дедушка тоже захотел посмотреть на коня. Он позвал дядю Линдера, и они вместе пошли в кузницу.

— Отличный конь, сколько мяса, — сказал дядя Линдер и похлопал коня.

У дяди Линдера на уме были только мясо да колбаса.

Пока Маттиас бегал в лавку к дедушке, его табуретку заняли.

Теперь на ней сидел Альфред.

— Это моя табуретка, я на ней сидел, — сказал Маттиас.

— А теперь я на ней сижу, — ответил Альфред и не двинулся с места.

Выглядел Альфред плоховато. Лицо у него было зеленого цвета, и голову он повесил почти так же, как конь.

— У тебя живот болит? — спросил Маттиас.

— Я объелся бабушкиного теста для имбирных пряников, — Альфред схватился за живот со страдальческим видом.

Тут явился ветеринар с большим черным чемоданом. Он постучал коня по лбу, послушал сердце, взял анализ крови. Потом поочередно надавил на каждую ногу, почти так же, как Элис, и помял живот.

— Н-да, это не ноги. Не живот. И не спина, — рассуждал ветеринар.

— Точно. А я что говорил? — сказал Элис и гордо огляделся.

Ветеринар открыл коню рот и сразу же понял, в чем дело!

— В одном зубе громадное дупло, — сказал он. — Этот зуб его и беспокоит. Сейчас я его удалю.

Дедушка поспешил уйти. Он не выносил вида крови и прочих ужасов.

— Маттиас, пошли, — приказал дедушка, и Маттиасу пришлось подчиниться.

А дядя Линдер и Альфред остались, счастливики!

Скоро зуб был вырван, и конь сразу повеселел. Альфред вышел из кузницы еще бледнее прежнего.

— Никогда не позволю вырывать себе зубы, так и запомни, — сказал он.

Тут из дома раздался возмущенный голос тети Линдер:

— Где мое тесто? Куда оно делось? Альфред! АЛЬФРЕД! АЛЬФРЕД!

— Ш-ш-ш! — Альфред приложил палец к губам, а потом беззвучно юркнул за угол.

Ветеринар собрал свои инструменты в черный чемодан и ушел.

Элис и солдат вышли из конюшни вместе с конем. Элис положил руку коню на нос. — Ну вот, ты почти здоров, — сказал Элис. — Нос уже не такой горячий.

Маттиас тоже положил руку на конский нос.

— Да, теперь ты здоров, — сказал Маттиас, совсем как взрослый.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

— Бабушка, у меня сегодня день рождения? — спросил Маттиас на следующее утро.

— Нет. Почему ты так решил? — удивилась бабушка. — День рождения у тебя будет только в мае.

— Понятно, — сказал Маттиас. Ему было немного стыдно за то, что он напрасно получил от солдат столько тянучек.

— Сегодня Чистый четверг, и мы приглашены к тете Софи и дяде Бернхарду, — сказала бабушка.

— А кто они такие? — удивился Маттиас.

— Это старая тетя и старый дядя. Они живут в желтом домике по другую сторону подвесного моста.

— Значит, мы пойдем по тому мосту? — испугался Маттиас.

— Да, это самый короткий путь.

— Только бы он не сломался, — беспокоился Маттиас. Он побаивался ходить

по подвесному мосту. Мост так страшно раскачивался, когда по нему шли.

— А дядя Бернхард и тетя Софи добрые? Они любят детей? — спросил Маттиас.

— Да, очень любят, — ответила бабушка. — А теперь беги, погуляй до обеда. А после обеда пойдем в гости. Только сначала иди и скажи дедушке доброе утро.

Дедушка лежал на кровати, подложив под себя гору подушек. Он с озабоченным видом качал головой — по радио только что передали очередные новости про войну. Маттиас пробормотал доброе утро и выскользнул из спальни.

Когда Маттиас вошел в лавку, Лиза уже была там и наводила порядок.

Маттиас внимательно изучал содержимое ящиков и доставал товары, которые были слегка подпорченными. Например, ручка с потерянным набалдашником или фарфоровая белочка с отбитым ухом.

Лиза скребла и терла пол у его ног, и ей не было никакого дела

до того, что Маттиас взял лист розовой шелковой бумаги и завернул в него белочку. А ведь шелковая бумага стоила по три эре за лист. Вещей в ящике Маттиаса постепенно прибывало. Ко дню его отъезда ящик, наверно, будет полон.

Маттиас выглянул в окно проверить, не проснулась ли рыбная тетя. Нет, не проснулась. Жалюзи на окнах опущены, дыма из трубы не видно.

За окном чувствовалось приближение весны. Снег почернел, а когда пригревало солнце, он превращался в воду, которая бурлящими потоками бежала вниз по улице. — Через три месяца наступит лето, — радостно сказала Лиза.

Маттиас вышел во двор.

Мимо прошел дядя Линдер и сунул ему в руку связку сосисок-малышек. «Наверняка он миллионер, если может так запросто раздавать сосиски», — подумал Маттиас.

Он заглянул к Элису и потолковал с ним о том о сем, жуя сосиски.

У Элиса дел было по горло. Он подковывал одну лошадь, а еще три дожидались своей

очереди. У стены неподвижно сидели две крысы.

— А можно подковать крыс? — поинтересовался Маттиас.

— Можно, только страшный топот поднимется, — ответил Элис.

— Берегитесь, а не то откушу вам хвосты, — прорычал он, обращаясь к крысам. Крысы испугались и нырнули под пол.

В полдень у бабушки был готов обед. Дедушка и Маттиас уселись за стол. Лиза еще не вернулась из лавки.

Бабушка помогла дедушке повязать огромную белую салфетку. Дедушка часто ронял еду на свой большой живот, особенно когда ел яйца. Тогда вся салфетка сверху донизу покрывалась желтыми пятнами от желтка.

Сейчас они как раз ели яйца. Маттиас, затаив дыхание, следил, как по дедушкиному животу струились желтые ручейки. Маттиас не решался засмеяться, потому что дедушка говорил, что за столом надо есть, а не зубоскалить.

После обеда дедушка прилег отдохнуть, прежде чем начать одеваться перед походом в гости.

Бабушка надела только что выглаженное голубое платье, а Маттиас — свою нарядную белую рубашку с бабочкой.

И вот все трое отправились в гости. Дедушка вел бабушку под руку, а бабушка вела за руку Маттиаса. Дедушка захватил с собой палочку, потому что на улице было очень скользко.

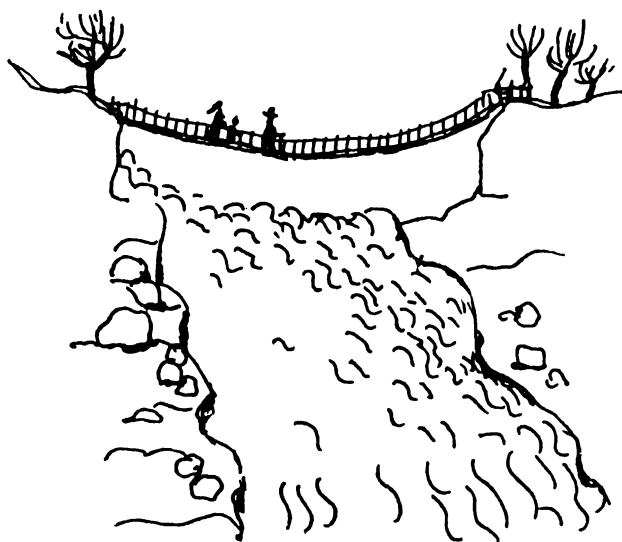
Они прошли мимо пивной, мимо Народного дома, мимо церкви за живой изгородью из хмурых елей. Потом они прошли через лесок и вышли к подвесному мосту. Мост был совсем узенький. Только два человека могли поместиться на нем в ширину. Маттиас крепко ухватился за бабушкину руку. Дедушка ступил на мост первым. Тот сразу же стал страшно раскачиваться. Маттиас старался не смотреть на реку, бурлившую внизу.

Кое-где доски из настила вывалились и образовались щели, через которые виднелась вода! Конечно, в них невозможно было провалиться, но дух захватывало!

— А если я упаду в реку, ты нырнешь за мной, бабушка? — спросил Маттиас.

— Обязательно, — ответила бабушка, которая плавала как топор. Но Маттиасу она этого не сказала.

К счастью, спасти Маттиаса не пришлось, потому что они благополучно добрались до другого берега. Бабушка, дедушка и Маттиас шли по проселочной дороге мимо маленьких усадеб и наконец подошли к желтому домику с островерхой крышей. Рядом с домиком стоял красный скотный двор.

— Здесь живут дядя Бернхард и тетя Софи, — сказал дедушка и указал палочкой на калитку.

В окнах дома дрогнули кружевные занавески.

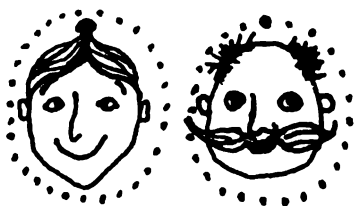
— Нас уже увидели, — догадалась бабушка.

Дверь домика распахнулась, и на крыльцо вышел дядя Бернхард, толстый и веселый, с густыми висячими усами.

Бабушка, дедушка и Маттиас старательно вытерли ноги и прошли в кухню поздороваться с тетей Софи. Она была худенькая и веселая, усов у нее, правда, не было, зато у нее косили глаза. Маттиасу показалось это смешным. Он еще никогда не видел, чтобы взрослые косили. Папа иногда скашивал глаза в шутку, но не на все же время!

Тетя Софи беспрерывно улыбалась, потому что ужасно любила детей. У нее самой детей не было. Зато была корова, петух и две белые курицы. Раньше был поросенок, но они с дядей Бернхардом съели его на Рождество. — Это все равно что съесть лучшего друга, — вздохнула тетя Софи.

Маттиас ходил
и всё осматривал.
Кухня сверкала чи-
стотой. Пол блестел
как зеркало, и медные

кастрюли на плите — тоже. На окне в честь
Чистого четверга рядом стояли тряпичные
петухи, а посреди стола лежало сахарное пас-
хальное яйцо с глазком. Чтобы увидеть секрет,
надо было заглянуть в этот глазок.

Дядя Бернхард открыл двери в самую
красивую комнату в доме, где уже был
накрыт стол: стояли кофейные чашки
и блюдо с пирожными. Пей и ешь, сколько
влезет!

— Представляете, мой родственник уехал
в Китай, — сказал дядя Бернхард.

— Не может быть, что он собирается там де-
лать? — спросила бабушка.

— Вот и я говорю. Видно, хочет всех уди-
вить, — сказал дядя Бернхард.

— Я слышала, что если от нас прокопать
сквозь землю туннель, то попадешь прямо
в Китай, — сказала тетя Софи и засмеялась.

— Да что ты слушаешь всякую ерунду? — сказал дядя Бернхард. — Мой родственник поехал в Китай на поезде.

Больше Маттиас не прислушивался к их беседе. Он задумался о Китае. Если долго-предолго рыть землю, то попадешь в Китай. Эта новость его ошеломила.

— А что они там в Китае делают? — спросила тетя Софи.

— Как что, резвятся на солнышке, играют. Пьют чай. Или просто сидят и болтают ногами в свое удовольствие.

— И у них косые глаза, — вставил Маттиас свое веское слово. Он сам видел китайцев в книжке с картинками.

Больше усидеть на одном месте он не мог. — Можно я пойду в коровник посмотрю на корову?

— Сначала поблагодари за кофе и пирожные, — велела бабушка.

— Спасибо, — сказал Маттиас, и его как ветром сдуло.

Корова была большая, в коричневых пятнах. Она стояла у стены прикованная

цепью. Маттиас несмело погладил ее по носу.

— Му, — сказала корова, высунула длинный язык и облизнула куртку Маттиаса.

Маттиас на всякий случай отступил назад. Он вообще-то не боялся коров, но эта была уж слишком большая. И язык у нее был слишком мокрый!

— А у меня кое-что есть, — сказал Маттиас и достал из кармана бумажник. Но не успел он его даже расстегнуть, как корова высунула язык, слизнула бумажник у Маттиаса из рук и отправила себе в рот! Со всеми деньгами!

Маттиас заревел.

— Коровка, миленькая, выплюни его, — умолял он корову.

Но корова делала вид, что ничего не понимает. Уставившись сонными глазами в стену, она начала пережевывать бумажник.

Маттиас в отчаянии побежал в дом.

— Корова съела бумажник! Скорее на помощь! — кричал он.

Дядя Бернхард вскочил из-за стола, чуть его не опрокинув, и побежал вслед за Маттиасом.

— Роза, открой рот, — строго сказал дядя Бернхард корове. Роза продолжала лениво жевать и пошевеливать ушами.

— Бумажничек, мой любимый! — рыдал Маттиас.

Тогда дядя Бернхард своими сильными руками развел корове челюсти. И шмяк! — бумажник выпал у нее изо рта! Роза выглядела не слишком довольной.

Маттиас поднял бумажник и стал его разглядывать. Конечно, он был мокрый, просто насквозь, и слегка помят — его, как-никак, жевали. Однако все отделения были целы и монеты — на месте!

— Ну, ну, чего не бывает, — успокаивал дядя Бернхард Маттиаса, возвращаясь в дом.

Тетя Софи растянула бумажник во всю ширину и повесила его сушиться над плитой.

А вскоре дедушка посмотрел на свои часы и сказал, что пора возвращаться домой.

Маттиас засунул бумажник в карман, хотя он еще не высох, и они втроем пошли по раскисшей мартовской дороге. Мимо маленьких усадеб, через подвесной мост. Переход через мост и на этот раз окончился благополучно!

По возвращении домой дедушка должен был сразу лечь, потому что его старое сердце покалывало особенно сильно после долгой прогулки.

Бабушка дала ему пилюли, налила воды из графина, а дедушка включил радио, и ему сразу полегчало.

— Бабушка, у меня тоже колет сердце, — пожаловался Маттиас.

— Тогда тебе лучше лечь в постель и выпить морсу, — сказала Лиза.

— Морсу выпью, а ложиться не буду. У меня колет сердце совсем чуть-чуть, — сказал Маттиас.

ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ?

Наступила Страстная пятница. Бабушка рассказывала, что в этот день много веков назад убили Иисуса Христа. Так что это был поистине печальный день. Маттиас почувствовал это уже с самого утра. Серая, промозглая погода; магазины закрыты; ларьки – тоже.

– Чем же в такой день заняться? – спросил Маттиас с унылым видом.

– Сегодня мы идем в церковь, – серьезно сказала бабушка.

– Не пойду. Я еще маленький, – заупрямился Маттиас.

Он уже знал, что значит пойти в церковь. Не болтай! Не вертись! Тоска, одним словом.

Но все равно вышло по-бабушкиному. На Маттиаса надели праздничную одежду, и он как миленький отправился с бабушкой и дедушкой в церковь.

Там они сели в самом первом ряду, чтобы дедушка слышал проповедь пастора. Маттиас был хмурый как грозовая туча.

Заиграл орган, пастор начал читать свою проповедь. Несколько раз Маттиасу казалось, что служба вот-вот кончится, но тут всё опять началось сначала!

В конце концов у Маттиаса от неподвижного сидения закружилась голова, церковные стены поплыли перед глазами, он почувствовал дурноту и слабость. Ничего подобного с ним еще ни разу в жизни не случилось. Наверно, он заболел. Очень опасной болезнью. Перед глазами все вертелось быстрее и быстрее. Маттиас повернулся к бабушке, но ее лицо расплывалось, а черная шляпка вращалась на голове, как пропеллер.

— Бабушка, почему все кружится? — успел громко спросить Маттиас, и тут же у него так почернело в глазах, что больше он уже ничего не видел.

Очнулся Маттиас в бабушкиной кухне. Он лежал на диване, рядом стояла Лиза со стаканом сока.

— Как я здесь очутился? — спросил Маттиас и выпил сок.

— Ты упал в обморок в церкви, — объяснила Лиза и подлила ему сока.

— Упал в обморок? Взаправду? — Маттиас был в восторге. Он считал, что в обморок падают только взрослые.

Однажды в обморок упала мама. И мама Пелле Маленького. А вот Пелле Маленький, Пончик или кто-то из недругов Маттиаса никогда не падали в обморок.

— Надо обязательно написать маме, что я упал в церкви в обморок, — гордо сказал Маттиас. — Лиза, я буду говорить, а ты записывай.

Лиза принесла с дедушкиного письменного стола бумагу и ручку, и Маттиас начал громко диктовать.

— Здравствуй, мама! Здравствуй, папа! Пишет вам Маттиас. Я упал в церкви в обморок. Было здорово. Ну, пока.

— И это все? — удивилась Лиза.

— Все. А что еще надо? Не весь же день одно письмо писать, — сказал Маттиас.

Лиза и Маттиас сложили письмо и засунули его в конверт. Лиза надписала на конверте адрес и приклеила почтовую марку.

Маттиас уже собрался было выйти на улицу к почтовому ящику, как вдруг в голове у него мелькнула одна мысль.

— А я еще буду ходить в церковь?

— Нет, думаю, с тебя хватит!

— Ура! — обрадовался Маттиас.

На улице было пустынно и тихо. Все люди куда-то подевались. Наверно, ушли в церковь. Зато рыбная тетя была дома, Маттиас увидел ее в окне. Она ходила по дому в цветастом халате и поливала цветы в горшках.

Маттиас опустил письмо в почтовый ящик и направился во двор. Если повезет, он застанет в кузнице Элиса.

Но кузница оказалась заперта, Элиса нигде не было видно. Наверно, он лежал дома на диване и спал.

«Чем бы заняться?» — думал Маттиас. Казалось, эта унылая Страстная пятница никогда не кончится.

Но вдруг в голове у Маттиаса как будто что-то щелкнуло, и он сразу понял, чем займется.

Он выкопает туннель до самого Китая! Как рассказывала тетя Софи.

Найти бы только подходящую лопату, и тогда добраться до Китая — пара пустяков! Маттиас нашел в дровяном сарае лопату, которая подходила ему по размеру. Вообще-то лопат в сарае было несколько, но Маттиас выбрал синюю, потому что любил синий цвет.

Надо было решить, в каком месте лучше копать. Маттиас оглядел двор. Только не на площадке, там была страшная слякоть. Может быть, в беседке из сирени, где летом бабушка и дедушка любили пить кофе, а зимой только и оставалось, что рыть туннель до Китая. — Буду рыть здесь, — сказал Маттиас сам себе и воткнул лопату в землю.

— Яму копаешь? Зачем? — слышался знакомый голос. К беседке подошел Альфред.

— Да так просто, — ответил Маттиас, пожав плечами.

— Что-то ищешь? — в голосе Альфреда звучало любопытство.

— Копаю туннель в Китай, — ответил Маттиас, стараясь говорить как ни в чем не бывало.

Сначала Альфред издевательски засмеялся, но, подумав, сходил в сарай и тоже принес лопату.

— Буду копать рядом с тобой. Посмотрим, у кого дело пойдет быстрее, — решил он.

Копать размокшую землю было легко. Альфред, сильный и ловкий, сразу же выкопал глубокую яму. У Маттиаса работа продвигалась медленнее: оно и понятно — ведь руки у него были еще совсем детские.

Неожиданно Альфред перестал копать и окликнул Маттиаса:

— Смотри, пуговица! Думаешь, китайская? Маттиас долго разглядывал пуговицу.

— Обыкновенная пуговица, — сказал он наконец. В шкатулке у мамы было полно таких пуговиц.

— Все-таки сохраню ее, — решил Альфред и положил пуговицу в карман.

Мальчики продолжили копать.

— Ой, что это? — воскликнул Маттиас. Он вытащил из своей ямы что-то длинное и блестящее.

— Дождевой червь, — определил Альфред с видом знатока. — Он не китайский. Обыкновенный червяк. Тоже мне, сокровище!

Маттиас отложил червяка в сторону. Он и сам видел, что откопал ничем не примечательного червяка.

Вскоре Альфреду попался круглый красный камушек. Его он тоже положил в карман. Потом он откопал маленький ржавый ключик.

— Китайский ключ, — произнес он торжествующе и потряс ключиком над головой.

После таких находок он с жаром вновь принялся копать. Земля от его лопаты летела во все стороны.

А Маттиас нашел еще одного червяка. Настроение у него упало. Да и чему радоваться, когда одним попадаются ценные вещи, а другим — только червяки!

Неожиданно Альфред запрыгал на месте и громко запел.

— А что я нашел! — закричал он. — Гляди, кораблик! Настоящий!

Он и в самом деле выкопал из земли самый настоящий деревянный кораблик! Когда-то кораблик был красный, но со временем почти вся краска с него облезла. На мачте висел крохотный черный парус. — Вот это удача! — радовался Альфред, потирая руки. — Я как раз недавно потерял свой кораблик!

Маттиас все больше мрачнел. Ему ничего не попадалось.

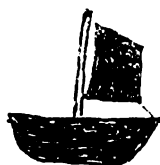
Если, конечно, не считать червяка. Но таких червяков в земле куча.

Альфред, напевая, запихнул кораблик себе в карман и снова взялся за лопату.

— Перестань петь! У меня от твоего голоса в ушах звенит, — сердито сказал Маттиас.

Альфред запел громче.

Чем глубже становилась яма Маттиаса, тем труднее было копать. Земля на глубине была каменистой и твердой.

Альфред нашел еще один камушек. На этот раз белый. Маттиасу тоже попадались камни, но они не были ни белыми, ни круглыми. Камни как камни. Серые и бесформенные.

— Сегодня мой счастливый день, махать лопатой мне не лень! — распевал Альфред, все быстрее орудуя лопатой.

Маттиас не пел. Он копал все медленнее и медленнее. Это был самый несчастливый день в его жизни.

Неожиданно его лопата ударилась обо что-то твердое! И большое!

«Может, это целый китаец», — подумал Маттиас, и в душе у него вновь загорелась надежда. Правда, если это и был китаец, то какой-то уж очень твердый. Он издавал звон, когда его задевала лопата.

Альфред приостановил работу.

— Что-то звякнуло, — насторожился он и стал прислушиваться.

— Это звякнуло в моей яме, — сказал Маттиас. — Я на что-то наткнулся.

— Ерунда, какой-нибудь булыжник, — успокоился Альфред, и его лопата вновь замелькала.

Но это оказался никакой не булыжник!

Маттиасу попался самый настоящий кофейник! Лиловый, с изящным изогнутым носиком.

— Такие находки мне еще не попадались, — признался Маттиас. — Это же кофейник!

— Наверно, кофейник моей бабушки, — предположил Альфред с плохо скрываемой завистью.

— Разве твоя бабушка теряла кофейник? — спросил Маттиас.

— Кто ее знает, — пожал плечами Альфред. Но в глубине души он понимал, что вряд ли его бабушка расхаживала и повсюду роняла кофейники.

Маттиас поднял лиловую крышечку, внутри кофейника что-то блеснуло!

Крошечные ножницы!

— Самые маленькие ножницы в мире! — произнес Маттиас со знанием дела, опуская ножницы себе в карман.

Но это было еще не все. В кофейнике лежала трубка! Настоящая курительная трубка! Как раз такую курил другой его дедушка, который жил в Ветланде.

Маттиас внезапно потерял интерес к Китаю. — Сегодня нам до Китая все равно не добраться, — сказал он Альфреду, потому что

начал понимать, что до Китая было еще очень и очень далеко.

Он собрал кофейник, ножницы, трубку и пошел прочь.

— Пойду покурю, — бросил он на ходу.

Альфреду тоже наскучило копать.

— И я пойду. Хочу испытать свой кораблик на воде, — сказал он и проводил завистливым взглядом Маттиаса с его трубкой.

Лиза ахнула от ужаса, когда Маттиас гордо выложил перед ней свои находки.

— Фу, грязь! — воскликнула она.

Маттиас был оскорблен в лучших чувствах.

— Это вовсе не грязь! Я смогу тебе иногда одалживать свой кофейник, а ножницами бабушка сможет перерезать нитки во время шитья. Зато трубочку я буду курить сам.

— Даже не надейся, бабушка не позволит тебе оставить в доме этот хлам, — честно предупредила Лиза. — Она выкинет все твое добро на помойку, можешь не сомневаться.

— Бабушка может, — задумчиво сказал Маттиас, прекрасно зная, какой несговорчивой иногда бывает бабушка.

Он схватил трубку и убежал в кладовку. Там он запрятал ее на самую нижнюю полку. Ночью, когда никто не увидит, он будет доставать трубку и понарошку курить.

Чувствовалось, что и кофейник Лизе не особенно понравился.

— Может, на первое время уберем его в дровяной сарай? — предложила она.

Маттиас не стал спорить.

— Но ножницы мы все-таки вымоем, и пусть бабушка ими пользуется, — сказал он.

Лиза и Маттиас вымыли как следует ножницы, а тут и Страстная пятница подошла к концу. Ее начало не предвещало ничего хорошего, зато конец получился такой счастливый!

ВЕЛИКАЯ СУББОТА С ПЕЧАЛЬНЫМ КОНЦОМ

На следующий день была Великая суббота. Великая суббота — всегда хороший день. Маттиас уже с раннего утра крутился в лавке и высматривал себе товары с изъязном.

В лавке было людно. Покупатели разбирали желтых пасхальных цыплят, наборы разноцветных перышек, пасхальные яйца из папье-маше. Цыплята шли по 25 эре за штуку, яйца — по 50 эре.

Маттиас был в затруднении. С одной стороны, ему хотелось купить цыпленка; с другой стороны, жалко было опустошать хотя бы одно из отделений бумажника, наполненных монетками.

После долгих поисков он нашел цыпленка, у которого были безнадежно сломаны лапы. Несчастный лежал в большом ящике среди множества целеньких цыплят. Маттиас показал его Лизе.

— Лиза, смотри, у него сломаны лапы. Его все равно никто не купит. Можно мне его взять?

— Бери, конечно, — разрешила Лиза.

До чего же она добрая! Если бы все люди были такие, как Лиза! Тогда бы у него было все, что он захочет, как у миллионера.

Маттиас пробрался в свою кладовку и убрал цыпленка на нижнюю полку, рядом с трубкой и бумажником.

Бабушка украшала кухню к празднику: расставляла пасхальных петушков, раскладывала разноцветные яйца. На плите в необъятной кастрюле варились яйца к обеду.

— Кто съест все эти яйца? — удивился Маттиас.

— Мы: ты, я, дедушка и Лиза.

— Но мне больше одного яйца не съесть. У меня живот маленький. Вот у дедушки — большой, он и сто яиц может съесть зараз.

Ожидая, пока сварятся яйца, Маттиас выглянул в окно. Даже отсюда среди прошлогодней травы виднелись два черных китайских туннеля.

Неожиданно в воздухе со свистом пролетело яйцо, оно упало и ударилось о землю. Желток медленно впитывался в песок.

— Бабушка! — позвал Маттиас. — Какая-то птица только что уронила яйцо.

Бабушка высунулась в окно.

— Знаю я эту птицу заморскую, — проворчала она. — Сам смотри.

Маттиас тоже высунулся в окно и увидел рыжую голову Альфреда, торчавшую из кухонного окна тети Линдер.

— Альфред! — крикнул Маттиас.

— Тш-ш-ш! — шикнул на него Альфред, приложив палец к губам. Его голова скрылась.

У бабушки был сердитый вид.

— Не нравится мне твоя дружба с этим негодником, — сказала она. — Тоже нашел игру: пулять из окна яйцами тети Линдер!

Маттиас фыркнул.

У дедушки к обеду не на шутку разыгрался аппетит! Он умял одно за другим десять яиц, и после этого его усы и салфетка стали совершенно желтыми.

— Хорошо, что ты, дедушка, перед едой повязываешь салфетку, — заметил Маттиас.

— Неужели? Почему ты так думаешь, голубчик? — спросил дедушка. Сам он не заметил ничего особенного.

Маленький живот Маттиаса с трудом вместил четыре яйца. Маттиас настолько объелся, что его потянуло прилечь на пышную бабушкину постель.

Но не успел он толком разлечься, как в дверь постучали. Пришел Альфред.

Альфред походил на пугало огородное. Он нарисовал себе черные усы и бороду, ярко-красным намазал щеки, нахлобучил на голову старый мясницкий колпак дяди

Линдера, поверх куртки и штанов нацепил на себя передник тети Линдер. А еще он волочил за собой метлу, поскольку изображал пасхальную ведьму.

— Пусть Маттиас тоже нарядится ведьмой, и мы пойдем колядовать, — сказал Альфред. — Дайте ему метлу, ну и одежду посмешнее.

Бабушка неодобрительно посмотрела на Альфреда.

— Ты почему выбросил в окно бабушкино яйцо? — строго спросила она.

— Не выбросил, а уронил, — беспечно ответил Альфред.

— Я все видела! — отрезала бабушка.

Альфред достал из кармана передника уголек и стал рисовать Маттиасу усы и бороду.

— Нам еще понадобится красная краска. И метла с передником.

Когда Лиза все это нашла, понадобился кофейник.

— Маттиас должен взять с собой кофейник, чтобы собирать в него сладости, — сказал Альфред.

— Да, но в кофейнике у нас кофе, — ответила Лиза.

И тут Маттиаса осенило.

— У меня же есть свой кофейник, Лиза! Тот лиловый, в сарае.

Маттиас сбегал за кофейником. Он был в самый раз.

— А сейчас мы нарисуем пасхальные открытки, — решил Альфред. — Будем раздавать их людям, и нам за это дадут еще больше гостинцев!

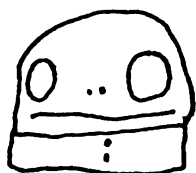
К счастью, дедушка и бабушка к тому времени уже ушли из кухни. Вряд ли им бы понравилось, что Маттиас и Альфред переодеваются в пасхальных ведьм и идут попрошайничать. Но Лиза была не такая строгая и только смеялась.

Маттиас сбегал в кладовку и принес оттуда бумагу, которую они с Альфредом нашли в пустом доме у водопада. Оба уселись рисовать.

Маттиас нарисовал человечка с красным носом, потом человечка с синим носом. Еще он нарисовал человечка с ушами и человечка

без ушей. И множество человечков с маленькими красными глазками и волосами дыбом.

— А почему ты рисуешь только человечков? — спросил Альфред. — Ты же должен рисовать что-нибудь пасхальное.

Крепко нажимая на карандаш, Альфред нарисовал зеленого цыпленка с черным глазом.

Маттиаса слова Альфреда заставили задуматься. Впрочем, сам он все равно не умел рисовать цыплят. Он умел рисовать только пожарные машины и человечков. Рисовать машины было слишком долго, вот он и рисовал человечков с ушами, без ушей и с разноцветными носами.

Мальчики уже собирались уходить, как пришел дедушка.

— Маттиас, чтобы к ужину ты был дома, — велел он.

— Хорошо, дедушка, — пообещал Маттиас.

И они отправились в путь: Альфред впереди, Маттиас сзади.

Первым делом они постучались в зеленый дом. Как только дверь открылась, они прокричали во все горло: «Счастливой Пасхи!» — потому что на Пасху все так делают.

Маттиас достал свою открытку с человечком без ушей, а Альфред — открытку с яйцом в крапинку. Люди в зеленом доме попались очень добрые. Они положили четверть кроны в кофейник Маттиаса и четверть кроны в кофейник Альфреда. — Смотрите, это же внук Линдера колядует, — узнали Альфреда обитатели дома.

Они прекрасно знали дядю Линдера, так как покупали колбасу в его лавке.

В следующем доме Альфред и Маттиас получили по марципановому цыпленку. — Давай споем. Может, еще что-нибудь дадут, — шепнул Альфред Маттиасу.

Маттиас не мог вспомнить ни одной песни, и тогда Альфред спел «Белочка

на елке» совершенно один. Но больше им уже ничего не дали.

— Следующий дом пропустим, — предупредил Альфред. — Там живет дядька, который не любит детей!

Они крались мимо дома злого дядьки очень осторожно, но он все равно их увидел и закричал в окно:

— Эй вы, ведьмы, а ну-ка брысь отсюда!

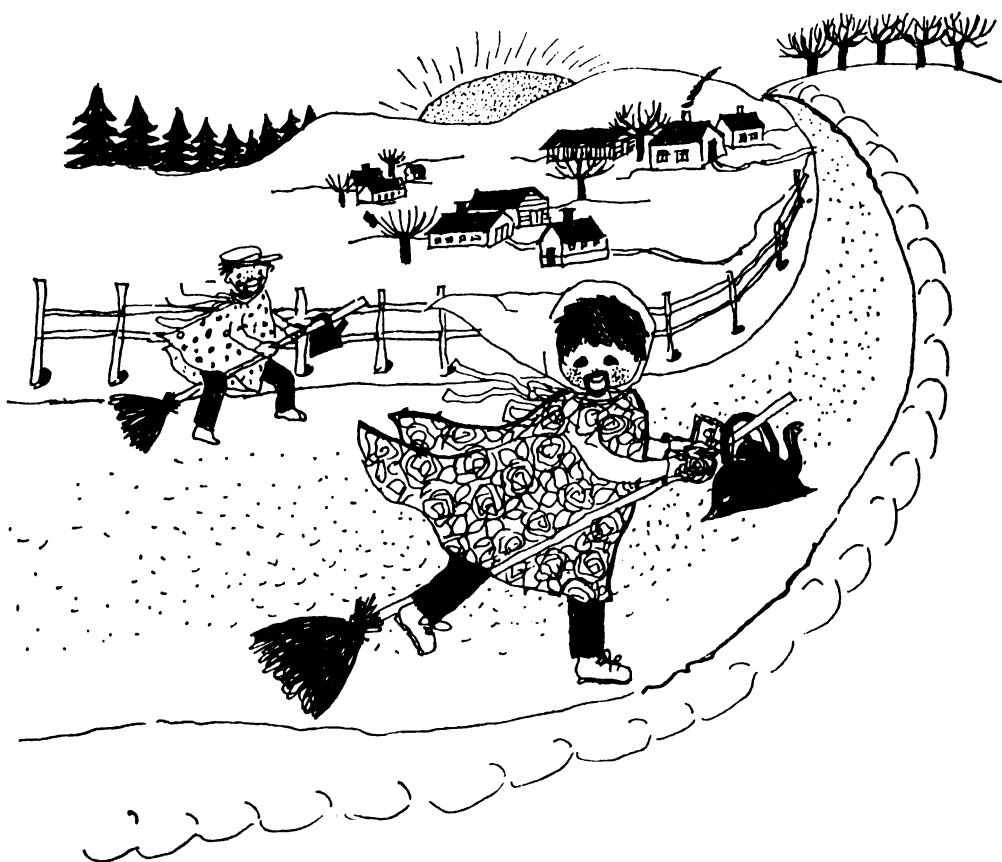
— Вот злющий! Того гляди на куски разорвет! — сказал Альфред, и они с Маттиасом припустили прочь.

В следующем доме им дали по яблоку, в другом доме добрая дама с сеткой на седых волосах дала им по плитке шоколада.

— Для начала неплохо, — заметил Альфред. — Мой кофейник уже почти полон.

А потом они подошли к великолепному дому. К парадной двери вело высокое крыльцо. Альфред и Маттиас поднялись по ступенькам и позвонили.

Долго никто не открывал, но в конце концов дверь отворилась и Маттиас с Альфредом испуганно отпрянули назад.

Человек, открывший дверь, был не такой, как все люди, он сидел в инвалидной коляске!

— Счастливой Пасхи! — крикнули мальчишки, и каждый из них вручил хозяину дома по открытке. На открытке Альфреда был цыпленок в черной шляпе, а на открытке

Маттиаса — человечек с красными глазками и волосами дыбом.

Дядя в коляске обрадовался открыткам. Он попросил мальчиков войти и чувствовать себя как дома.

Маттиас и Альфред присели на краешке красного дивана.

— А почему ты не ходишь, как все люди? — спросил Маттиас.

— Потому что не могу. Могу только сидеть в коляске, — ответил хозяин дома.

— А если тебе понадобится бежать? — спросил Маттиас.

— Не получится, — ответил дядя.

— Что же ты делаешь целыми днями? — изумился Маттиас.

— Сажу в своей коляске и жду, чтобы время прошло, — усмехнулся хозяин.

— Мы можем иногда приходить и развлекать тебя, если хочешь, — предложил Маттиас.

— Это было бы замечательно, — обрадовался дядя.

— А у тебя дома есть какие-нибудь сладости? — спросил Альфред, который решил, что беседа затянулась.

— Нет, я ведь не знал, что у меня будут гости, — сказал дядя с печальным видом. — У меня есть только сахар кусками.

— Нет, сахар оставь себе, — великодушно разрешил Альфред. — Маттиас, пошли дальше!

И они попрощались с дядей в коляске.

Мальчики были далеко от дома. Начинало смеркаться.

— Ты думаешь уже поздно? — спросил Маттиас.

— Вовсе нет, — твердо ответил Альфред.

Дома дедушка мерил кухню шагами, то и дело поглядывая на часы. Каждый раз, проходя мимо окна, он смотрел на улицу, не появится ли Маттиас. И каждый раз за окном становилось все темнее и холоднее. В конце концов уже невозможно было что-либо разглядеть.

— Ему давно пора быть дома, — сердито сказал дедушка и в двадцатый раз посмотрел

на часы. — Я же велел ему вернуться к ужину, а сейчас почти восемь часов.

— Проголодается, придет, — успокаивала его бабушка.

Но и на ее лице была тревога. Она тоже стала поглядывать на часы.

Время шло, а Маттиас не возвращался.

Лиза надела пальто и пошла его искать.

Дедушке и бабушке не сиделось на месте. Они беспрерывно вставали, смотрели на часы и выглядывали в окно, за которым сгущались сумерки.

Маттиас и Альфред переходили от дома к дому все дальше и дальше.

Скоро они вышли за пределы города. Дома остались позади, а перед ними чернел лес. Мальчики повернули назад и пошли домой с переполненными кофейниками. Теперь даже Альфред почувствовал, что время позднее.

По проселочной дороге они дошли до плотины, а оттуда было рукой подать до дома! Река над плотиной еще была покрыта льдом, но снег уже растаял.

— Пошли по льду. Если он нас выдержит, не придется идти по мосту, — предложил Альфред.

И мальчики ступили на лед.

Скоро, однако, выяснилось, что идти по льду опасно. Он был рыхлый, и они тут же промочили ноги.

— Оглянись, смотри, какие следы остаются после нас! — восторженно прокричал Альфред. — Черные, и в них полно воды!

Маттиас задумался. Черная вода его пугала.

Когда мальчики добрались до середины реки, лед затрещал и они оказались по колено в воде.

— Давай лучше вернемся, — сказал Маттиас.

Лед, по сути дела, кончился, и они пробирались через мешанину изо льда и воды.

— Трус! — обозвал Альфред Маттиаса, но остановился.

Потом оба повернулись и со всех ног побежали назад.

Скоро уже они стояли на твердой почве и не могли отдышаться.

Маттиасу показалось, что издалека его кто-то зовет.

— Слышишь? — спросил он Альфреда, напряженно прислушиваясь.

— Может быть, это голос Бога? Бабушка говорила, что Бог иногда зовет человека, который попал в беду.

— Ха, придумал тоже! — фыркнул Альфред. — Бог высоко на небе, умник.

Но тут уже оба услышали дальний зов.

— Маттиас! Маттиас!

Голос казался таким неземным, что у Маттиаса задрожали коленки.

— Я здесь! — крикнул он как можно громче, чтобы на небе было слышно, если его действительно звал Бог.

Но, оказалось, звал его вовсе не Бог. Это была Лиза! Услышав голос Маттиаса, она взбежала на мост, шлепая ботинками по талому снегу.

— Маттиас, ты? — крикнула она. — Слава тебе, Господи, что ничего не случилось!

— Как не случилось? Мы набрали полные кофейники сладостей, — ответил

Маттиас и гордо снял крышку со своего кофейника.

— Бабушка и дедушка места себе не находят от беспокойства. Дедушка тебе уши надерет, — сказала Лиза. — И, кстати, твой дедушка тебе — тоже, — обратилась она к Альфреду.

Тучи над Маттиасом и Альфредом сгущались.

Бледные и молчаливые, шли они следом за Лизой. У Маттиаса заledenели ноги, он дрожал от холода. Свет в кухонном окне бабушки и дедушки был виден издаleка, в окне Линдеров — тоже. Маттиаса все больше охватывала тревога.

Они дошли до дома. Альфреда отправили к его дедушке и бабушке, а Маттиас, еле передвигая отяжелевшие ноги и волоча за собой метлу, вошел в кухню.

Бабушка сидела за столом.

— Ты нас не послушался, — сказала она. — Ступай к дедушке. Он с тобой поговорит!

Дедушка лежал на своей кровати с закрытыми глазами. Услышав шаги Маттиаса, он с неожиданным проворством вскочил

с кровати и грозовым облаком надвинулся на внука.

— Ну и как, хорошо погулял? — спросил он зловеще. — Мы тут волнуемся, места себе не находим, а ему и дела нет! Ты же мог утонуть!

У Маттиаса язык прилип к гортани. Он молчал и не сводил с дедушки глаз. Никогда он не видел дедушку таким страшным. От гнева его усы прыгали вверх и вниз.

— Сейчас я тебе хорошенько всыплю! — Дедушка подскочил к столу и выхватил

из вазы пасхальный букет из березовых прутьев.

Штаны Маттиаса молниеносно соскользнули вниз, и дедушка отхлестал его пониже спины.

К счастью, к прутьям были привязаны разноцветные перышки, и это смягчило боль. Но Маттиас орал во все горло. Его еще никогда в жизни не пороли!

— Ну все, довольно с тебя, — сказал дедушка и натянул на Маттиаса штаны. — Это тебе урок на будущее!

Внезапно дедушка побелел, прибежала бабушка, помогла ему лечь в кровать и дала несколько здоровенных пилюль.

Дедушка лежал с закрытыми глазами, положив руку на сердце.

— Сердце сейчас разорвется! — простонал он.

А Маттиас умчался в кладовку, повалился на свой матрас и дал волю слезам.

Потом пришла Лиза, села рядом и стала гладить его по волосам.

— Я здесь не останусь! На следующем поезде уеду домой, — всхлипывал Маттиас.

— Ну, ну, — успокаивала его Лиза. — Дедушка выпорол тебя не со зла. Он чуть не умер от волнения, когда ты не вернулся домой до темноты. А сейчас у него болит сердце, из-за того что пришлось тебя наказать. Скоро он опять будет добрый-предобрый!

— Не хочу больше его видеть! — ревел Маттиас.

Но через некоторое время он успокоился, взял кофейник и стал изучать, что ему удалось наколядовать.

А Лиза тем временем приготовила ему горячий шоколад и наделала бутербродов, чтобы хоть как-то его утешить.

Дедушка включил радио в спальне. Жизнь постепенно входила в прежнее русло. Бабушка позвонила по телефону маме и папе, которые оставались на улице Ванадисвэген. — Добрый вечер! — сказала она в трубку. — Хотела пожелать вам счастливой Пасхи, а еще рассказать, что Маттиас тут у нас пропал и несколько часов мы не знали, где он. Но теперь он дома и все хорошо.

Потом трубку дали Маттиасу. Услышав мамин голос, он не удержался и снова заплакал.

— Здесь меня порют. Я хочу завтра уехать домой, — проговорил он сквозь всхлипывания.

Мама просила его успокоиться, говорила, что все плохое позади. Если он будет послушным мальчиком, никто его пороть не будет.

— Выше нос, Маттиас! На следующей неделе ты вернешься домой, — пообещала мама.

Разговор был окончен, бабушка повесила трубку.

— А сейчас мы все пойдем спать. Слава Богу, все окончилось хорошо. Спокойной ночи!

— У меня вся попа горит после порки, — пожаловался Маттиас, уходя спать.

СВИНКА

На следующий день дедушка был ласковый-преласковый. Каждый раз, проходя мимо Маттиаса, он гладил его по голове и нежно смотрел ему в глаза.

— Надеюсь, больше нигде ничего не горит? — спросил он и взял руку Маттиаса в свою.

— Немножко еще горит, — буркнул Маттиас.

— Тогда вот тебе монетка, может, теперь полегчает? — И дедушка дал ему целую крону.

Маттиас сразу почувствовал себя лучше. Впрочем, он и до этого не слишком страдал. Он нарочно сказал, что ему еще больно. Так дедушке и надо, Маттиас никогда не забудет ему вчерашней порки!

Он убежал в кладовку и спрятал крону в бумажник. В бумажнике было уже столько денег, что он едва застегивался. Увы, прежним бумажник больше никогда не будет после того, как побывал у Розы на зубах.

«Пойду-ка куплю что-нибудь в ларьке, — сказал Маттиас сам себе. — Может, после этого бумажник легче застегнется».

Ларечник был несказанно рад, что хоть один покупатель объявился. Он сидел в полном одиночестве и глядел на безлюдную улицу.

Маттиас купил одну тянучку и два леденца на палочке. Он протянул ларечнику дедушкину крону и, — вы не поверите, — опять получил сдачи кучу денег! Теперь застегнуть бумажник стало еще труднее.

— У тебя есть круглые резинки? — спросил Маттиас у ларечника.

— Конечно!

Ларечник протянул ему в окошко резинку.

Маттиас несколько раз обмотал бумажник резинкой, чтобы монеты из него не выкатывались.

Ларечник весело смотрел на него.

— Повезло тебе, каждый день деньги дают. Неудивительно, ведь у твоего дедушки своя лавка.

— Нет, дедушка дает мне деньги, только когда выпорет, — ответил Маттиас.

И Маттиас рассказал ларечнику о своем вчерашнем приключении и о том, как де-душка выпорол его пасхальным букетом из березовых прутьев.

Бесердечный ларечник хохотал так, что чуть не падал от смеха. Рассказ Маттиаса его развеселил, особенно его позабавили перышки на прутьях.

— Так перышки это же щекотно, а не больно? — спросил он.

Маттиас задумался.

— Ну, немножко щекотно, — нехотя согласился он.

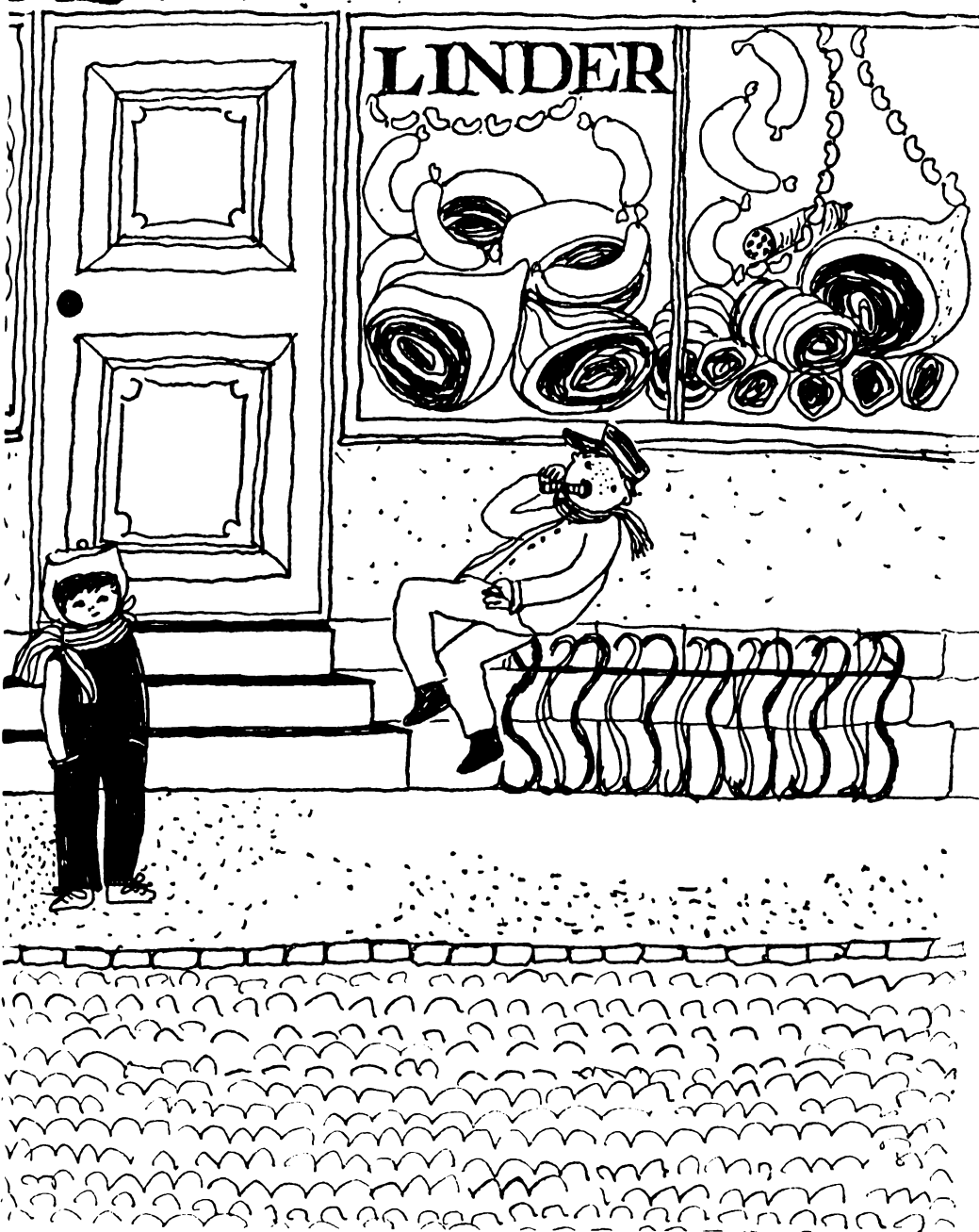
Со стороны площади слышалась барабанная дробь, и Маттиас поспешил туда, посмотреть, что происходит.

Опять солдаты, и как много! Но на этот раз они были пешими и шагали строем по двое. Те, что шли во главе колонны, били в барабаны и трубили в горны. Выглядело все это очень торжественно.

— Вы опять на войну? — крикнул им Маттиас.

— Да, идем воевать, — ответили ему солдаты, улыбаясь.

ЯСО

Маттиас примкнул сзади к колонне, представляя себе, что он тоже отправляется на войну.

Колонна двинулась по улице, из окон высовывались люди и махали солдатам. Рыбная тетя выбежала из дома, ее цветастый халат развевался на ветру.

— Привет, сыночки! — крикнула она.

— Привет, мамуля! — отозвались двое солдат из колонны.

Маттиас узнал их. Это были сыновья рыбной тети.

Им надо было маршировать дальше, а рыбная тетя вернулась домой к своим мопсам.

У железной дороги Маттиас вынужден был отстать от колонны и повернуть назад. Улица показалась ему еще более пустынной, чем раньше. Было воскресенье, в городе ни души, Маттиасу стало скучно.

К счастью, у велосипедной стоянки возле лавки дяди Линдера сидел Альфред и уплетал сладости, которые накануне вечером насобирала пасхальная ведьма.

- Тебя вчера пороли? — любопытствовал Альфред.
- Да, а тебя?
- Еще бы. Меня через день порют, — ответил Альфред с нотками превосходства.
- Больно?
- Ха, дедушка бьет слабенько. А если начинает бить сильнее, я даю ему сдачи. Так-то вот, — похвастался Альфред и запихнул в рот сразу восемь тянучек.

К обеду бабушка приготовила праздничный пирог с яблоками. Этот пирог Маттиас любил больше всего на свете. Но сейчас он почему-то не мог проглотить ни кусочка.

- Может, добавить ванильного соуса? — спросила Лиза.

Маттиас покачал головой.

- Нет, спасибо.
- Ребенок переел сладостей, — сказала бабушка. — Подожди немного, Маттиас. Потом съешь.

Маттиас подождал немного, но и потом не смог съесть ни кусочка. Это он-то, который так обожал бабушкин яблочный пирог!

— Голубчик, ты не заболел? — спросил дедушка ласковым голосом и потрепал Маттиаса по волосам.

Именно это с Маттиасом и случилось.

Его знобило, он дрожал, хотя на кухне было тепло.

— Он белый как мел, — сказала Лиза. — Надо бы его поскорее уложить в постель.

— Можешь лечь на мою кровать. В кладовке, наверно, слишком темно, — предложила бабушка.

Маттиас минуту подумал.

— Нет, я останусь в кладовке, — сказал он.

Ведь в кладовке он мог сколько угодно покуривать свою трубочку и перебирать бумажки!

У Маттиаса совсем не было сил. Его голова поникла, как бутон тюльпана.

Бабушка и Лиза уложили его в постель и измерили ему температуру. У Маттиаса зуб на зуб не попадал от холода, но, несмотря на это, он скоро уснул.

Когда Маттиас проснулся, лицо у него было пунцового цвета, а сам он пылал как огонь!

Пришла бабушка и снова измерила ему температуру.

Тридцать девять! Это не шутки!

— Бедняга, все-таки вчера простудился, — сказала бабушка и покачала головой.

— Уберите с меня все одеяла! Мне жарко! — хныкал Маттиас.

Проснувшись на следующее утро, Маттиас решил, что поправился. Но не тут-то было. У него болели щеки, и лицо оставалось ярко-красным. Ему казалось, что он поджаривается на костре, такой у него был жар.

— Сегодня ляжешь на мою кровать, и никаких разговоров, — решила бабушка и начала стелить Маттиасу на своей кровати. — Не нравится мне, что ты лежишь в кладовке с такой температурой.

У Маттиаса не было сил протестовать. Его бережно перенесли на бабушкину постель. Голова его торчала, как ярко-красный апельсин, среди белоснежных подушек и одеял. Рядом на своей постели лежал дедушка, отдыхал

и слушал радио, но так громко, что у Маттиаса закладывало уши.

— Тебе не надоело слушать про войну, дедушка? — пролепетал Маттиас.

— Тш-ш-ш! — сказал дедушка и приложил к уху ладонь, чтобы не пропустить ни слова.

Дедушка, кряхтя, выбрался из постели и начал одеваться. Маттиас впервые увидел дедушкины голые ноги. Худые и белые, они его рассмешили. Для Маттиаса было загадкой, как такие тоненькие ножки носили огромный дедушкин живот!

Дедушка надел жилетку, опустил часы в правый карман, и цепочка красиво изогнулась на его животе. После одевания дедушка взял малюсенькую расческу и причесал усы!

— Не забудь почистить зубы! — крикнул Маттиас и назидательно высунул из-под одеяла свой пылающий жаром палец.

Но дедушка его не услышал.

Он ушел в лавку, и в спальне стало тихо-тихо.

В окно заглядывало весеннее солнце, на крыше таял последний снег, и капли падали на карниз.

Каждые пятнадцать минут в спальню просовывала голову Лиза и предлагала сок, а бабушка бросалась на него с градусником, стоило ему вздохнуть.

Но Маттиасу не хотелось сока и не хотелось ставить градусник. Ему хотелось только спать.

— Щеки болят, — пожаловался он, потом уснул и спал до обеда.

Проснулся Маттиас оттого, что над ним стоял доктор с трубкой в руках.

— Ну-ка, давай посмотрим, что с тобой стряслось, Маттиас, — сказал доктор. — Ты ведь не боишься докторов?

Маттиас помотал головой. Он вспомнил рассказы Пелле Маленького

о больнице. Нет, Маттиас хорошо относился к докторам.

— Я могу даже поехать с тобой в больницу, если хочешь, — предложил он доктору.

— Думаю, в этом нет необходимости, — засмеялся доктор, ощупывая Маттиаса то там, то здесь.

— Открой рот, — велел доктор.

Маттиас открыл рот, и доктор посветил ему в горло маленьким фонариком.

Осмотр был окончен, и доктор потер руки.

— У малыша свинка, — сказал он. — Самая обыкновенная свинка, ничего страшного.

Пока держится температура, постельный режим. И следите, чтобы он не переохлаждался.

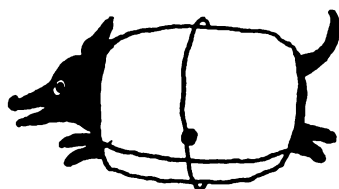
— А у меня так и останутся раздутые щеки? — поинтересовался Маттиас.

— Да, еще несколько дней будешь такой щекастый, — сказал доктор и защелкнул свой чемоданчик. — Ну, всего хорошего.

Доктор ушел, а Маттиас откинулся на подушки и снова уснул.

Он спал целый день, а потом и целую ночь. Ему снились очень странные сны. Один раз

ему приснилась собачка, такая маленькая, что она уместилась в его бумажнике. Только пришлось снять с бумажника резинку, потому что она давила собачке на живот!

Потом ему приснилась трубка, которую он нашел, когда копал туннель в Китай. Во сне он набил ее настоящим табаком и мог курить, как взрослые мужчины.

Маттиас протянул руку, чтобы взять трубку с полки в кладовке, и проснулся. Он с удивлением обнаружил, что ухватил дедушку за ус! — Что ты делаешь с моими усами, голубчик? — пробормотал дедушка сонно. — Ночь, спи!

Маттиас про себя хихикнул. А он-то подумал, что это трубка!

В следующий раз он проснулся уже днем. Дедушки рядом не было.

Лиза жарила на кухне грудинку.

Маттиас чувствовал себя гораздо лучше. Жар прошел, но щеки пока побаливали.

— Лиза, я проснулся! — крикнул он.

Лиза пулей влетела в спальню и спросила, не хочет ли он соку.

— Хочу, — ответил Маттиас. — И принеси мне зеркало.

Маттиас получил стакан соку, а потом Лиза принесла ему дедушкино зеркало. Маттиас снова откинулся на подушки и стал внимательно разглядывать свое отражение.

Он был такой смешной! Щеки раздулись, как у хомяка! Маттиас себя не узнавал. Он стал похож на Пончика! Маттиас хотел засмеяться, но смеяться было больно.

«Надо написать Пончику, что теперь я такой же толстый, как он», — решил Маттиас.

— Лиза, можно я тебе продиктую письмо?

Лиза бросила свою готовку, принесла бумагу, ручку и села на постель к Маттиасу.

— Пиши, — сказал Маттиас. — Пончик, теперь я такой же толстый, как ты. Щеки у меня как у хомяка. Потому что я заболел свинкой. Я лежу на бабушкиной кровати. Кровать очень высокая, и на ней много подушек. А еще у меня есть трубка. Ну, Пончик, пока.

— Больше ничего не хочешь добавить? — спросила Лиза и посмотрела на Маттиаса.
— Все. А чего еще писать? — удивился Маттиас.

Лиза написала на конверте ПОНЧИК и еще что-то, потом Маттиас облизал край конверта, потому что на нем был вкусный клей с запахом лакрицы.

Маттиас задумался.

— Лиза, а давай лучше напишем на конверте ЛИМОНЧИК. Это будет шутка!

Но Лиза считала, что ЛИМОНЧИК писать не стоит.

— Письмо может не дойти, — объяснила она. И, скорее всего, была права.

— А теперь иди и опусти его в почтовый ящик, — распорядился Маттиас. Лиза так и сделала.

Остаток дня Маттиас сидел в постели, время от времени ел картофельное пюре с большими кусками масла, потому что, по Лизиному мнению, от масла свинка

проходит быстрее. А еще потому что это вкусно.

Когда он не ел пюре, он смотрелся в дедушкино зеркало или пил сок.

Вечером из лавки вернулся дедушка, лег на соседнюю постель и включил радио.

В спальне сразу все задрожало.

Тогда Маттиас на трясущихся от слабости ногах ушел на кухню к Лизе и сказал, что хочет обратно в свою кладовку, потому что ему надоело лежать молча и слушать дедушкины новости.

Лиза помогла ему перебраться в кладовку, и Маттиас сразу почувствовал себя гораздо лучше. Здесь у него под рукой была его трубка, бумажник и другие важные вещи.

Вскоре Маттиас уснул, потому что снова наступила ночь.

А Я К ВАМ ИЗ ФИНЛЯНДИИ

Когда Маттиас лежал в спальне, он видел, как бабушка время от времени подходит к письменному столу и смотрит на фотографию, которая на нем стоит.

На фотографии был пухлый малыш с кудрявыми волосами. Он сидел на белом меховом одеяльце и смеялся.

Опершись на стол, бабушка так подолгу смотрела на фотографию, будто хотела туда, к этому малышу.

— Бабушка, почему ты так часто смотришь на эту старую карточку? — спросил Маттиас. — Кто этот мальчик?

— Это мой малыш, — ответила бабушка.

— У тебя же нет детей! Ты ведь не мама, ты бабушка! — удивился Маттиас.

— Почему же? Твой папа — мой ребенок, — возразила бабушка. — И Лиза — мой ребенок. Только они выросли и стали взрослыми.

Маттиас растерялся. У него это в голове не укладывалось.

— Но ведь они не были такими маленькими, как он, — сказал Маттиас, показывая на малыша.

— Были, даже еще меньше, — сказала бабушка, отставив фотографию.

— А куда же ты его дела? — недоумевал Маттиас. — Спрятала на чердаке?

Бабушка вздохнула.

— Нет, он стал ангелочком, — ответила она.

Маттиас не поверил своим ушам.

— Таким, который в церкви висит?

Бабушка покачала головой.

— Нет. Не таким.

— Где же тогда твой ангелочек? — озадаченно спросил Маттиас.

— Не знаю. Где-то есть, только я не знаю где, — грустно ответила бабушка.

Маттиасу стало очень жалко бабушку, которая не знала, где ее ангелочек. Потому

что ангелочек был очень хорошенький. Правда, крылышек у него Маттиас не разглядел. Наверно, они слились с меховым одеяльцем.

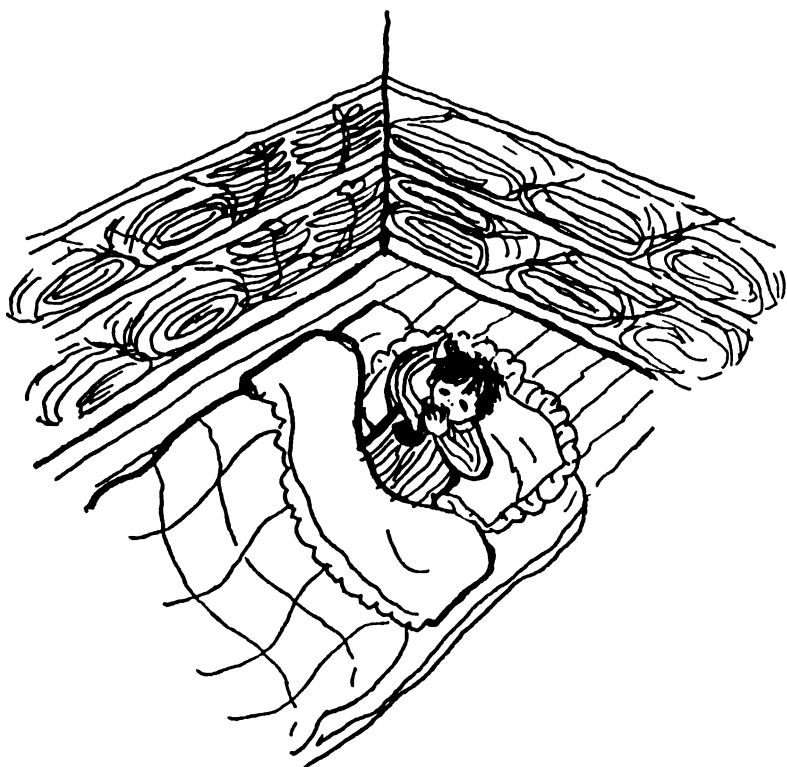
— Бабушка, когда я поправлюсь, я пойду искать твоего ангелочка. И возьму с собой крепкую веревку, чтобы связать его. Тогда он больше от тебя не улетит! — пообещал Маттиас.

— Спасибо, родной, — сказала бабушка.

С каждым часом Маттиасу становилось все лучше. Скоро лицо у него перестало гореть и сделалось нормального цвета, жар прошел. Только щеки оставались толстыми и висели, как мешки. Но это было даже забавно! Пелле Маленький покатился бы со смеху, если бы его увидел.

Пока Маттиас болел, он мог есть только то, что хотел. Стоило ему пикнуть, как в кладовку прибегала Лиза с соком, булочками, яблоком, шоколадом и всякой всячиной!

Маттиасу еще никогда не жилось так привольно. Дедушка принес из лавки целую

пачку газет, которые Маттиас мог резать, сколько душе угодно.

А как-то раз неожиданно пожаловал Альфред.

— Мне бабушка велела зайти, — сказал Альфред.

— А у тебя была свинка? — спросила Лиза.

— Кажется, была, — ответил Альфред и топал в кладовку к Маттиасу.

Когда он вошел, Маттиас лежал на перине, покуривал трубочку и разглядывал картинки, вырезанные из газет.

— Ничего себе! Лежит пузом кверху да покуривает, — с завистью сказал Альфред.

— Да еще шоколад ем, — поддразнил его Маттиас и отправил в рот большой кусок шоколада.

Альфред быстренько отломил и себе большой кусок, пока шоколад не кончился.

— Поиграем? — сказал он, прожевав шоколад.

— А во что? — спросил Маттиас, вынув трубку изо рта.

Оба глубоко задумались.

— Сыграем в «А я к вам из Финляндии», — предложил наконец Маттиас.

Альфред в первый раз услышал про такую игру.

— Ее придумали мы с Пелле Маленьким, — объяснил Маттиас гордо.

— А как в нее играть?

— А вот так! — оживился Маттиас и выпрыгнул из постели. — Ты выходишь

из комнаты, а потом возвращаешься с чемоданом и говоришь: «А я к вам из Финляндии».

— А ты что делаешь? — поинтересовался Альфред.

— А я просто сижу на постели и говорю: «Здравствуйте, здравствуйте!» — сказал Маттиас.

— Ясно, а потом? — Пока что игра казалась Альфреду преглупейшей.

— Потом ты открываешь чемодан и достаешь оттуда предмет, который потихоньку от меня туда положил. Получается сюрприз.

— Ну а дальше? — не унимался Альфред.

— Дальше я выхожу с чемоданом, а ты садишься на постель. И так до бесконечности. В эту игру можно играть сколько угодно, — радостно объяснил Маттиас.

Альфред не без колебаний выбрал из двух чемоданов Маттиаса тот, что поменьше, и ушел на кухню.

Маттиас ждал долго-предолго, прежде чем в кладовку постучали и вошел Альфред.

— А я к вам из Финляндии! — провозгласил он.

— Здравствуйте, здравствуйте! — приветствовал его Маттиас.

Альфред поставил чемодан на матрас, и они с Маттиасом вдвоем стали открывать замок. Чемодан был очень тяжелый, и в нем что-то глухо перекачивалось. Маттиаса разбирало любопытство. Он понятия не имел, что Альфред положил в чемодан.

Все это время вид у Альфреда был таинственный.

— Вот это да! — воскликнул Маттиас удивленно, когда им удалось справиться с замком. В чемодане оказалась настоящая лошадиная подкова и большой кусок жирной колбасы!

— Подкову я выпросил у Элиса, — рассказал Альфред. — А колбасу стянул из дедушкиной лавки.

Когда они съели колбасу, Маттиас взял чемодан и ушел в спальню дедушки и бабушки. Он же болел, и выходить из дома ему не разрешалось.

Альфред ждал Маттиаса в кладовке и покуривал его трубку. Ждать пришлось долго,

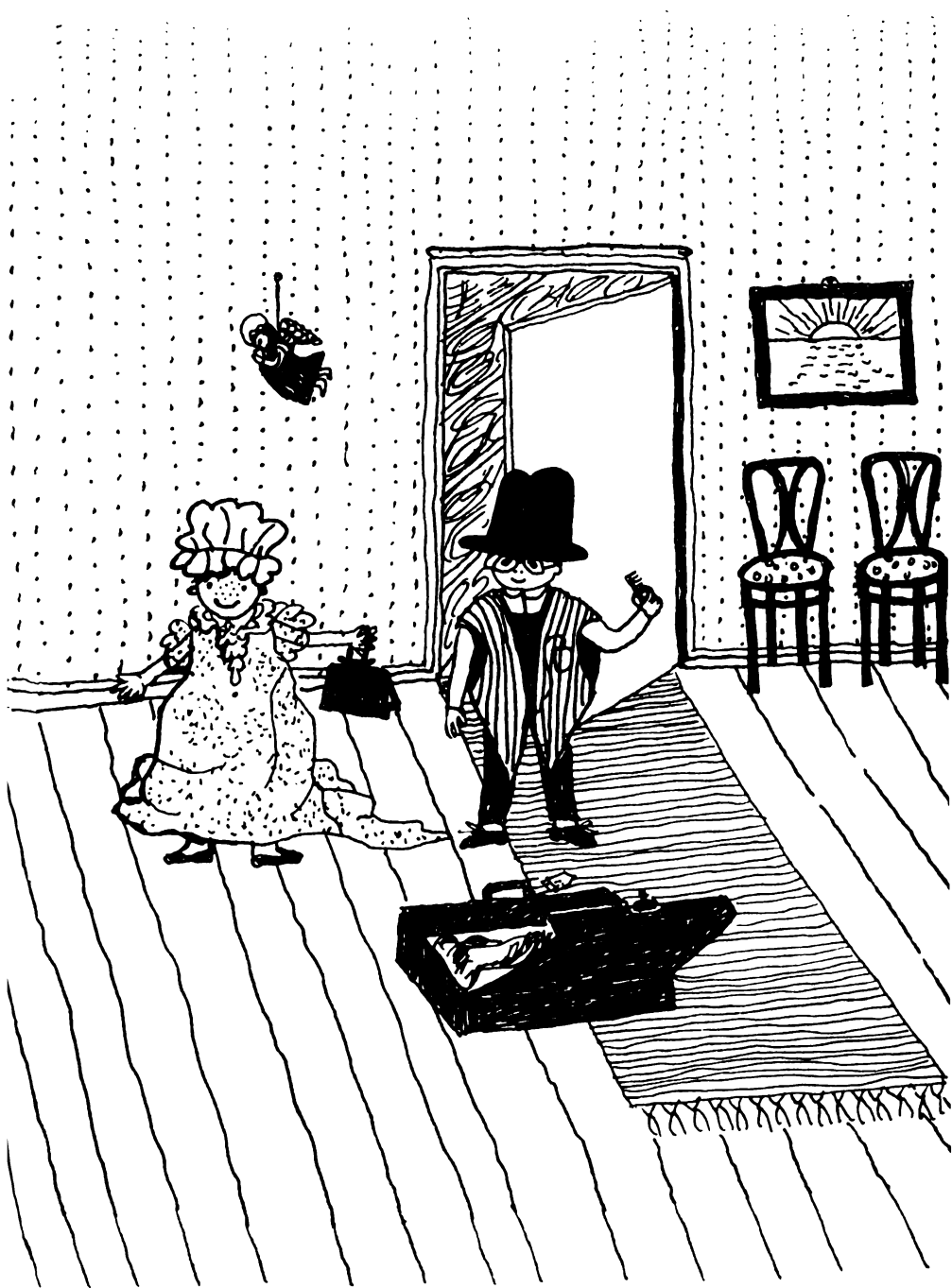
потому что в спальне трудно было найти что-то подходящее.

В конце концов Маттиас появился на пороге кладовки с туго набитым чемоданом. — А я к вам из Финляндии! — возвестил он. — Здравствуйте, здравствуйте, — приветствовал его Альфред и отбросил трубку.

Чемодан только с виду был маленький! В него поместились дедушкина нарядная полосатая жилетка, черная шляпа, очки, зеркало и крошечная расческа для усов. Маттиасу удалось затолкать туда даже бабушкину ночную рубашку и смешной ночной чепчик!

И тут пошло веселье! Альфред нарядился бабушкой, Маттиас — дедушкой! Маттиас подсунул под жилетку одну из подушек, и получился дедушкин живот. А потом он стал причесывать усы специальной дедушкиной расческой.

Альфред натянул на голову бабушкин чепчик и стал точь-в-точь бабушка. Он повернулся к Маттиасу и сказал писклявым голоском:

— О, Теодор, как ты прекрасен, когда расчесываешь усы!

Оба покатались от смеха и не могли остановиться, пока не услышали, что кто-то взялся за ручку двери. Мальчики отползли вглубь кладовки и притаились за вещами. Что, если это дедушка? Тогда Маттиасу порки не миновать!

Маттиас и Альфред сидели тихо как мышки.

Но вот удача! Оказалось, это вовсе не дедушка. В кладовку вошла Лиза, а Лизу бояться нечего. Маттиас и Альфред вылезли ей навстречу. Она очень смеялась, когда увидела, что они играют в бабушку и дедушку.

— А сейчас давайте-ка вернем все вещи на место до прихода дедушки, — сказала Лиза.

Альфред и Маттиас сочли ее предложение вполне здравым.

— А то он опять будет драться, — догадался Альфред.

Они еще долго играли в «А я к вам из Финляндии», и Альфред в конце концов согласился, что это очень веселая игра.

Однако когда он принес в чемодане коричневые шерстяные панталоны тети Линдер, Лиза решила, что пора поиграть во что-то другое.

— Вдруг тетя Линдер захочет куда-нибудь пойти, а панталон нет, — объяснила она.

Но на этот день игры закончились, было уже пять часов, и Альфреда ждали дома к ужину.

БАБУШКИНА СКАЗКА И ПИСЬМО ОТ ПОНЧИКА

На другой день Маттиас чувствовал себя прекрасно, он посмотрелся в зеркало и увидел, что выглядит как до болезни. Но бабушка сказала, что сегодня выходить еще рано, иначе он опять разболеется.

— Ну бабушка, я уже не знаю, чем мне заняться. Я переиграл во все игры, — канючил Маттиас.

К счастью, пришло письмо от Пончика!

Лиза принесла его, когда Маттиас готов был на стенку лезть от скуки. Конвертик был маленький, зато письмо — толстое, потому что его сложили много раз. К тому же оно было написано не на почтовой бумаге, а на бумаге от пакета из булочной. На пакетной бумаге были напечатаны крендельки.

Лиза прочитала Маттиасу письмо от Пончика:

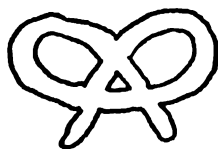
ЗДРАВСТВУЙ, МАТТИАС!

ЗДОРОВО, ЧТО ТЫ РАСТОЛСТЕЛ.
НАДЕЮСЬ, ТЫ СКОРО ПОПРА-
ВИШЬСЯ. ПЕЛЕ МАЛЕНЬКИЙ
РАСТАНУЛСЯ ВОЗЛЕ КИОСКА
И РАСКВАСИЛ СЕБЕ НОС.

ПРИЕЗЖАЙ ПОСКОРЕЕ,
КОЕ-ЧТО УВИДИШЬ.

БУДЬ ЗДОРОВ!

ПОНЧИК

- Что я увижу? – спросил Маттиас.
- Не знаю. Здесь не написано, – ответила Лиза.
- Интересно, интересно, – приговаривал Маттиас, вертя в руках письмо.

На обороте Пончик ничего не написал, только нарисовал рисунок – два толстых человечка держались за руки. Под одним человечком было написано «Пончик», под другим – «Маттиас». Маттиас хихикнул.

«Пончик даже не знает, что я снова худой!»

Потом Лизе пришлось прочесть письмо еще раз, потому что Маттиас хотел снова послушать про расквашенный нос Пелле Маленького.

— Надо же! С Пелле Маленьким всегда происходит что-то интересное.

Недавно он сломал руку. В другой раз свалился в люк на улице. Еще у него болели уши. А теперь он разбил себе нос до крови! — Зато у тебя свинка. Это тоже кое-что, — напомнила ему Лиза.

— Да, но щеки уже стали почти нормальными, — вздохнул Маттиас.

— А кто в церкви в обморок упал? — продолжала Лиза.

— Я, — просиял Маттиас.

Ближе к вечеру Маттиас сидел укутанный на подоконнике и смотрел во двор на лошадей, которые приходили к Элису, а потом уходили. Иногда Элис показывался сам, и тогда Маттиас махал ему изо всех сил. Элис с молотком в руке махал в ответ.

За окном очень медленно наступали сумерки.

Вечером, когда Маттиас разделся и лег под одеяло, пришла бабушка и принесла книгу со сказками.

- Почитать тебе? — спросила она.
- Почитай! — обрадовался Маттиас.

И бабушка прочитала ему сказку про барашка и серого волка.

Волк решил полакомиться на ужин барашком. Барашек бросился наутек. Он убежал на одной картинке. Потом — на другой. А волк все бежал за ним по пятам.

Маттиаса мороз продирал по коже.
— Переворачивай дальше! — просил он бабушку. — Быстрее!

Бабушка переворачивала одну страницу за другой, и на каждой новой картинке расстояние между барашком и волком неумолимо сжималось. У волка были страшные злые глаза, изо рта свисал длинный огненно-красный язык.

Но наконец на предпоследней странице волк свалился в яму и барашек был спасен!

На последней странице барашек бежал своей дорогой и весело помахивал хвостиком.

Маттиас перевел дыхание.

— Ух, я так боялся за барашка, — сказал он дрожащим голосом. — Какая страшная сказка, бабушка.

— Да, сказка, может быть, и страшная, но все кончилось хорошо, — успокоила бабушка Маттиаса.

Она закрыла книжку и пожелала Маттиасу спокойной ночи.

— Если завтра будет хороший день, сможешь выйти на улицу, — пообещала она.

— Ура! Тогда я пойду искать твоего ангелочка, — сказал Маттиас.

Он много раз думал про бабушкиного ангелочка после того, как она о нем рассказала.

— Пойдешь, родной, пойдешь, — сказала бабушка и погладила Маттиаса по голове.

Ночью Маттиасу снилось, как за барашком гонится целая стая волков. Он несколько раз просыпался, и ему слышалось рядом с постелью тяжелое волчье дыхание. Но когда Маттиас посветил фонариком, ни одного волка в кладовке не оказалось. Впрочем, барашка — тоже. Но на всякий случай он пошел, разбудил Лизу и спросил, не видела ли она волка.

Никаких волков Лиза не видела. Двери крепко заперты, никому в дом не пробраться, успокоила она Маттиаса.

Тогда Маттиас вернулся к себе и уснул. Больше он не просыпался до самого утра.

На следующий день погода была великолепная, наконец-то Маттиасу разрешили выйти на улицу! Только сперва на него навьючили уйму одежек: ведь спорить с бабушкой было бесполезно.

Прежде чем уйти, Маттиас спросил, можно ли ему взять с собой ножницы.

— Они мне нужны совсем ненадолго, — просил он Лизу, умоляюще глядя на нее голубыми глазами.

— Возьми те ножницы, что были в кофейнике, который ты откопал. Они в ящике на кухне, — сказала Лиза.

Маттиас взял ножницы, юркнул в кладовку и закрыл за собой дверь.

Вскоре он вышел оттуда и убежал на улицу.

Маттиас побежал прямо во двор, в сиреневую беседку. Там находились две ямы, которые они с Альфредом выкопали, когда собирались добраться до Китая. Маттиас набросал в свою яму множество мелких бумажек. Но бумажки были не простые. На каждой был изображен волк из сказки, которую вчера перед сном читала бабушка. С каждой страницы книги Маттиас старательно выстриг волка, чтобы барашку больше ничего не грозило. Так что теперь в книжке вместо волка остались одни дырки.

— Ха-ха! Так тебе и надо! — приговаривал Маттиас, засыпая яму.

Лиза наблюдала за ним из кухни и качала головой. Она так ничего и не поняла.

Управившись с ямой, Маттиас вспомнил, что собирался отправиться на поиски ангелочка. Но тогда ему нужен был шнур и сумка.

Он прибежал в дом за длинным шнурком и своим чемоданчиком.

— Уже к маме с папой собрался? — спросила Лиза.

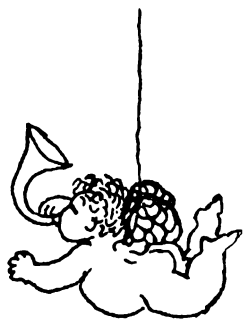
— Нет, иду искать бабушкиного ангелочка, — ответил Маттиас.

ПОИСКИ АНГЕЛОЧКА

Перво-наперво Маттиас пошел в церковь. В голове у него засело, что между церковью и ангелами существует прямая связь.

Церковные двери были тяжелые. Маттиасу пришлось попытаться, прежде чем он на цыпочках смог пробраться в церковь. Он присел на низенькую оградку в передней части церкви и огляделся. В церкви было пусто и тихо. Ни звука. Под потолком на стальных тросах были подвешены несколько ангелов. Но эти ангелы были из гипса, не живые.

Соображая, что делать дальше, Маттиас стал насвистывать. Он свистел все громче и громче, и его свист отзывался эхом в стенах церкви, будто в ней играл целый

оркестр. Насвистевшись, он начал петь, и эхо зазвучало еще громче!

— Тра-ла-ла, эхо, ура! — напевал он. В конце концов он пропел во весь голос: — Тра-ла-ла, эхо, ура!

Но тут прибежал сторож с сердитым красным лицом.

— Что ты тут делаешь? — кричал он. — Разве ты не знаешь, что в церкви надо вести себя тихо?

Маттиас поспешно встал. Он не знал, что сказать.

— Чего ты здесь забыл? Дети должны гулять, а не горланить в церкви, — сердился сторож.

— Я хотел кое-что найти, — сказал Маттиас.

— И что такое ты хотел здесь найти?

— Ангелочка, — ответил Маттиас.

— Какого такого ангелочка?

— Настоящего, который умеет летать. У него кудрявые волосы и белая рубашечка, как у настоящего ангела.

— Настоящих ангелов на свете нет, — отрезал сторож. — Ступай отсюда, я запираю церковь!

Маттиас отправился дальше. Как это ангелов нет? Раз бабушка сказала, что есть,

значит, есть. Только, может быть, в церкви среди гипсовых ангелов настоящие ангелы и не живут.

Маттиас как раз проходил мимо дома, который показался ему знакомым. Здесь жил дядя в коляске.

«А не видал ли он случайно какого-нибудь ангела? Он же целыми днями сидит и смотрит в окно», — подумал Маттиас и позвонил в дверь.

— Вы только подумайте, никак, моя знакомая пасхальная ведьма пожаловала? — воскликнул дядя в коляске, открыв дверь и увидев Маттиаса. — Ты пришел меня развлечь?

— Не совсем, — признался Маттиас. Сейчас он не мог вспомнить ни одной смешной истории.

— Представляешь, а я ведь ждал, что ты зайдешь меня навестить, — сказал дядя.

— Я собирался, но у меня была свинка. Я много дней лежал в постели у бабушки и никуда не ходил, — объяснил Маттиас.

— Бедняга, — сказал дядя.

— Да нет, было здорово. Лиза каждый день давала мне картофельное пюре с маслом.

Я хотел у тебя спросить, не пролетал ли мимо твоего дома ангелочек? Если пролетал, то это бабушкин.

— Настоящий ангел? — задумчиво спросил дядя.

— Да, настоящий.

— Нет, никого не видел. Но, может, я его проглядел, отвлекся, посмотрел в другую сторону? — предположил дядя.

— А если он пролетал, то в какую сторону?

— Направо.

Маттиас поспешно распрощался с дядей в коляске и пошел направо. Он заглядывал за живые изгороди и под старые ящики, он высматривал ангелочка среди ветвей высоких деревьев, но все впустую.

Надо спросить рыбную тетю. Она многое повидала в жизни.

Когда Маттиас пришел к рыбной тете, она расчесывала своих мопсов.

— Где ты был все это время? Нашел другую рыбную тетю? — спросила она и постаралась сделать обиженное лицо.

— У меня была свинка, — ответил Маттиас.

Он спросил, не пролетал ли здесь случайно бабушкин ангелочек.

— Нет, ангелы мне не попадались, — ответила рыбная тетя. — Наверняка они есть, но я ни одного не видела.

Маттиас рассказал ей, что у бабушки был настоящий ангелочек, но он куда-то улетел. — Бабушка по нему скучает и все время думает, где же он теперь? — рассказал Маттиас.

Рыбная тетя смахнула слезу.

— Ты добрый мальчик, раз хочешь порадовать бабушку. Но, боюсь, ты не найдешь ангелочка. Ангелы очень хорошо умеют прятаться, — сказала она.

Но Маттиас не желал опускать руки.

Он спрашивал Элиса, дядю Линдера, ларечника. Он даже ходил спрашивать на почту.

Но никто не видел ангелочка, по крайней мере, настоящего.

Тогда Маттиас отправился на поиски в лес к подножью водопада.

Иногда среди деревьев что-то как будто белело, но присмотревшись, Маттиас

понимал, что обознался. Один раз это была белая птица, другой раз — снежная шапка на ветке.

Как ни грустно, но, похоже, бабушка никогда не увидит своего ангелочка.

Зато Маттиас сделал другую удачную находку — огромные грибы, которые выросли на стволе старого дерева! Они были такие твердые, прямо как камень!

Их нелегко было оторвать от ствола, но все же удалось. Маттиас набил свой чемоданчик грибами, сколько места хватило. С полным чемоданом, веселый и довольный, он вышел из леса и направился прямо домой, на кухню, где бабушка жарила оладьи. — Бабушка, — обратился к ней Маттиас, — я всюду искал твоего ангелочка, но его нигде нет.

— Я знала, что найти его трудно, — сказала бабушка грустно. — Но спасибо, что ты попытался.

— Скорее всего, он улетел на небо и теперь кувыркается там на облаке, — постарался утешить Маттиас бабушку.

— Наверняка так и есть, родной, — вздохнула бабушка и погладила Маттиаса по голове.

— Зато посмотри, что я нашел! — Светясь от счастья, Маттиас разложил на столе найденные грибы.

— Неплохо, — похвалила находку бабушка. — Что ты собираешься с ними делать?

— Домой увезу, — сказал Маттиас. Он повел носом и принюхался. В кухне стоял чудесный дух жареных оладий, а он был такой голодный.

— Догадайся, почему я жарю оладьи? — спросила бабушка с таинственным видом.

— Наверно, потому что сегодня суббота? — попробовал угадать Маттиас.

— Не угадал. Иди в комнату, сам все поймешь! — улыбнулась бабушка.

Маттиас прижался ухом к двери комнаты и прислушался.

Из-за двери раздавались голоса. Он сразу узнал дедушкин голос. Дедушка с кем-то разговаривал...

— Папа! — закричал Маттиас и ворвался в комнату.

— Маттиас! — воскликнул папа и крепко его обнял.

— Папа, посмотри, что я нашел!

Маттиас бросился на кухню за чемоданом с грибами.

— Какие здоровенные! И твердые! — одобрил папа.

Дедушка только фыркнул. Для него деревянные грибы были мусором.

Потом Маттиас взял папу за руку и повел показывать ему дедушкину лавку и все остальное. Еще он показал папе бумажник и трубку.

— Смотри, я теперь как ты, — сказал Маттиас. — У меня тоже есть трубка.

Папа приехал за Маттиасом. На следующее утро в десять часов отходил их поезд!

Маттиас отозвал папу в сторонку и зашептал:

— Мне уже хочется домой. Здесь скучно: дедушка дерется пасхальными прутьями, а бабушка иногда очень строгая.

Но тут в нем заговорила совесть.

— Зато Лиза каждый день дает мне монетки. И еще болеть свинкой мне понравилось.

- Я думаю, ты здесь повеселился на славу, — сказал папа. — Иначе не получил бы взбучки от дедушки!
- Может быть, — ответил Маттиас задумчиво.

МАТТИАС УЕЗЖАЕТ ДОМОЙ

На другой день рано утром Маттиас уже был в дедушкиной лавке. Он достал из-за прилавка ящик со своими вещами. Ящик был уже почти полон.

Ему повезло, что дедушка еще лежал в спальне и слушал новости, а за лавкой присматривала Лиза.

Маттиас показал ей вещи, которые хранились у него в ящике.

— Они все побитые и треснутые. Некоторые кажутся целыми, но они все равно порченные, — объяснял Маттиас, надеясь, что Лиза не станет разглядывать слишком внимательно коробочку с пистонами.

Но Лиза вообще ничего разглядывать не стала.

— Ну и хорошо, — сказала она. — Бери всё, если хочешь.

— Лиза, ты самая добрая в мире! — воскликнул Маттиас и побежал прочь со своими сокровищами. Он собирался упаковать их в свой большой чемодан.

Маленький чемоданчик уже был занят грибами.

После завтрака бабушка причесала Маттиаса мокрой расческой и почистила ему уши: он должен был вернуться чистеньким к маме на улицу Ванадисвэген. Потом дедушка достал свои большие часы из кармана жилетки и сказал, что пора на станцию.

Маттиас побежал проститься с Элисом, рыбной тетей, дядей и тетей Линдерами. Альфреда он так и не нашел.

— Опять где-то озорничает, — сказала тетя Линдер. — Раньше ужина не вернется.

— Ну, пора! — сказал папа. Он стоял в дверях с чемоданами и ждал.

— Одну минутку! — крикнул Маттиас и бросился обратно в лавку.

— За чем ты бегал? — спросил папа, когда Маттиас вернулся.

— Ни за чем, — ответил Маттиас и покраснел.

На самом деле он положил обратно коробочку с пистонами, потому что она была без единого изъяна. Совершенно новая коробочка!

С легким сердцем он бежал вприпрыжку за папой до самой станции. Дедушка, бабушка и Лиза их провожали, чтобы помахать, когда тронется поезд.

— Без тебя будет пусто, голубчик, — сказал дедушка и погладил его по голове.

— Очень пусто, — подхватила бабушка.

— Ух, просто тоска, — сказала Лиза.

— Я скоро приеду еще, — пообещал Маттиас. Ему тоже было грустно от них уезжать. Здешняя жизнь была совсем особенная.

Когда поезд тронулся, у дедушки на глазах сверкнули слезинки.

Получается, дедушки тоже могут плакать!

А потом дедушка, бабушка и Лиза махали белыми платочками, пока поезд не скрылся из виду.

Поезд катил через лес, Маттиас взял папу за руку и сказал:

— Знаешь, Пелле Маленький лопнет от зависти, когда увидит мои древесные грибы. И бумажник. И трубку. И одноухую белочку. И бумагу с конвертами. У меня теперь сокровищ ого-го сколько!

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 6+

Для младшего школьного возраста

Барбру Линдгрэн

Новые приключения Маттиаса

Иллюстрации автора

Перевод Ольги Вронской

Корректор Надежда Болотина

Дизайнер-верстальщик Николай Кормер

Главный редактор Ксения Коваленко

Директор издательства Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»
albuscorvus.ru, readers@albuscorvus.ru
Магазин: albuscorvus.shop

Подписано в печать 20.07.2021

Формат 60 × 84/16

Печать офсетная

Тираж 2000 экз.

Заказ № 2105260

ISBN 978–5–00114–261–4

arvato
BERTELSMANN
Group Publishing

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Как прорыть туннель в Китай? Зачем в пюре кладут много масла? Почему бабушка грустит и подолгу разглядывает фотографию смеющегося малыша? На этот раз Маттиас отправляется погостить к бабушке с дедушкой, где его ждут новые приключения.

Это заключительная часть трилогии о Маттиасе и его друзьях. Ее автор — Барбру Линдгрен. Талант писательницы открыла Астрид Линдгрен, ее однофамилица. Серия о Маттиасе стала дебютом Барбру, истории о нем публиковали в издательстве Raben & Sjögren, где редактором работала Астрид. С тех пор книги были переведены на тридцать языков, издавались в СССР и России. Сама Барбру стала лауреатом престижных премий Ханса Кристиана Андерсена и... своей однофамилицы Астрид.

ЕАС

6+

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
УНИКАЛЕН
ПОСЫЛ МАРИКОВЫХ
УСЛОВНА

